

INSPIRIA

18+

Любовь
сильнее
ИНСТИНКТА

СЕРДЦЕ СТАИ

МАРИАНА ЗАПАТА

INSPIRIA

Inspiria Ромэнтэзи. Волшебные миры Марианы Запаты

Мариана Запата

Сердце стаи

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Запата М.

Сердце стаи / М. Запата — «Эксмо», 2025 — (Inspiria Ромэнтези.
Волшебные миры Марианы Запаты)

ISBN 978-5-04-247814-7

Волшебная романтическая сказка от королевы слоуберна! Атмосферная история для тех, кто смотрел «Сумерки» и болел за Джейкоба. Жила-была девочка Нина, которая однажды нашла волшебного щенка по кличке Данкан, изменившего ее жизнь навеки. В поисках убежища для своего нового друга Нина отправляется на загадочное ранчо в Колорадо, где втайне от привычного мира живут волшебные существа – кентавры, сасквочи и оборотни всех мастей. Это живописное место, где воздух пропитан магией, принадлежит мускулистому кузену её лучшей подруги – суровому, закрытому и чертовски привлекательному Генри. Теперь Нине предстоит пройти обряд инициации, встретиться с прошлым и найти ответы для себя и Данкана.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-247814-7

© Запата М., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мариана Запата

Сердце стаи

Mariana Zapata
THE THINGS WE WATER

Copyright © 2025 by Mariana Zapata
All rights reserved.
Cover design: Sarah Hansen, Okay Creations

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация: © Md Samsul Haque, © Forida Akther Rimu / Shutterstock.com / FOTODOM. Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

© Ветрова А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Посвящается моему любимому, моему сердцу, моей душе, моему
лучшему из лучших друзей Каю.*

*Ты всегда будешь самой прекрасной историей любви, частью
которой я когда-либо была*

Несмотря на то, что рассказы о Ночи Метеорита разнятся в зависимости от географического местоположения, два факта остаются неоспоримыми: эти события произошли в ночь полнолуния; после них мир никогда уже не будет прежним.

Глава 1

Меня ничуть не удивило, что ребята не знали, что ответить. Слова, только что вылетевшие из моего рта, походили на какой-то бред – или отрывок из фэнтезийного романа.

Только это была не сказка. Не легенда. Даже не популярный роман, из которого сделали фильм.

Это была *реальность*.

Моя реальность.

Так что меня ничуть не удивило и то, как два моих лучших друга, приоткрыв рты, наклонились вперед и почти одновременно произнесли: «Объясни-ка еще раз». Единственным отличием между ними было то, что в конце предложения Сиенна назвала меня «Нина», а Мэтти – нет.

Я чуть не пошутила над тем, что они превратились в одну из тех женатых парочек. Одно дело – заканчивать фразы друг за другом, но выбирать еще и практически одинаковые слова и делать почти идентичное выражение лица? От этого мне одновременно захотелось крепко-крепко обнять их и придумать новую остроуму.

Но на это у нас нет времени. Я могла посмеяться над друзьями позже.

Сначала мне нужно, чтобы они поняли. Чтобы помогли мне. Помогли *нам*.

По правде говоря, не мне осуждать друзей, что они с трудом силились понять только что рассказанное. *Мне* и самой оказалось непросто принять все, что случилось за прошедший

месяц, а ведь все это происходило прямо на моих глазах. Я *прожила* это. Мы все были в курсе невероятных вещей, но это выходило за всякие пределы.

Опустив подбородок, словно я не смотрела на существо, спавшее на моих руках как минимум десять тысяч раз за последние пару лет – большая часть из которых пришлось на последние несколько недель, – я снова сосредоточила взгляд на Данкане. Несмотря на неуверенность и почти панику, на грани которой я жила последнее время, у меня получилось улыбнуться. Пес всегда поднимал мне настроение. Вот честно, невозможно не радоваться, когда самое милое существо, какое я видела в жизни, всхрапывало, напоминая мне о том, как мой папа дремал в своем раскладном кресле после обеда.

Что касалось Данкана, то он оставался умилительным все двадцать четыре часа в сутки.

Возможно, лучше бы я просто показала все ребятам, а не пыталась снова объяснить словами.

В конце концов, вся эта ситуация отчасти напоминала чудо, а отчасти – «Волчонка»¹, «Властелина колец»² и «Древних пришельцев»³ вместе взятых. Зависит от того, как посмотреть на происходящее, и от твоей веры. Но и это не так важно – сперва они должны увидеть общую картину.

В нашем случае, так сказать, – картину размером со щенка.

Раздвинув края одеяла, в которое я завернула Данкана, – чтобы спрятать, а не потому, что ему холодно, – я выгнула руки так, чтобы Мэтти и Сиенна смогли получше рассмотреть комочек черной шерсти, перевернувший мою жизнь с ног на голову – теперь уже не единожды, а дважды. Но меня это не злило. Я была ошеломлена и напугана больше, чем мне того хотелось, но не сердилась.

В отличие от некоторых моих знакомых, я не верила в Судьбу, которая якобы незаметно трудилась и, покуривая сигаретку, планировала жизни людей еще до их рождения. Во-первых, на планете восемь миллиардов человек, а значит, ей пришлось бы слишком много работать. А вторую причину... я не придумала, поскольку посчитала, что и первой достаточно.

И все же порой происходит нечто такое, что в моменте кажется совершенно бессмысленным, но со временем оборачивается благословением. Может, сперва вы даже плакали, прежде чем увидеть в этих событиях нечто хорошее, но все в итоге оставалось в прошлом.

Считаю, что в мире предостаточно вещей, которые нельзя с легкостью объяснить, но от этого они не становятся менее реальными.

Равно как бессчетное множество созданий, живущих в данный момент.

Равно как и любой из присутствовавших в комнате, и в особенности то маленькое тельце, прижавшееся ко мне и являвшееся причиной, по которой я пришла сюда.

Без одеяла, скрывавшего большую часть Данкана, из-за черной шерсти первоначально складывалось впечатление, что перед вами короткошерстный черный пес, а длинные уши намекали на нечто от гончей. Но когда я сантиметр за сантиметром стянула одеяло, наружу показался пушистый хвост, который мог бы принадлежать и лисе.

Как и главная звезда на шатре этого дерьмового цирка.

В этот момент можно было вскинуть руки и воскликнуть: «О чудо!» – не будь наше положение настолько отчаянным.

¹ «Волчонок» (англ. *Teen Wolf*) – сверхъестественный телесериал в жанре подростковой драмы, снятый в США по мотивам одноименного фильма 1985 года. – *Здесь и далее: прим. пер.*

² «Властелин колец» (англ. *The Lord of the Rings*) – кинотрилогия 2001–2003 гг., снятая режиссером Питером Джексоном и представляющая собой экранизацию одноименного романа Дж. Р. Р. Толкина.

³ «Древние пришельцы» (англ. *Ancient Aliens*) – американский документальный телесериал канала History Channel, в котором обсуждаются различные аспекты теории палеоконтакта и высказываются предположения, что исторические тексты, археологические свидетельства и легенды народов мира содержат доказательства контактов человека с внеземными цивилизациями в прошлом.

– Теперь у него на конце хвоста горит пламя, – сообщила я друзьям так, будто они и сами не видели это собственными глазами.

Вот и одна из двух особенностей на теле Данкана, которые неопровержимо подтверждали, что он не был щенком ни бассета, ни блаухаунда или иного домашнего питомца. Он и щенком-то никогда не являлся, но раньше это не так бросалось в глаза. Требовалось обладать превосходным нюхом или быть чувствительным к магии, чтобы принять его за кого-то другого.

Шесть недель назад хвост Данкана был просто пушистым, а его глаза – светло-карими. Мы *знали*, что он не тот, кем выглядел, – Мэтти и Сиенна чуяли это носами, а я чувствовала нутром, – но теперь это стало очевидно, и это они еще не видели его глаза. Всего за одну ночь он превратился из правдоподобного черного щенка смешанной породы с намеком на магию в нечто иное. Нечто *неопровержимое*.

Увы, но потрясенный блеск темно-карих глаз Мэтти и то, как Сиенна разинула рот шире, чем после моего идиотского объяснения, лишь подтвердили, что можно больше не надеяться на то, что Данкан был хоть немного нормальным.

«Хоть немного нормальный» – максимум, который я могла желать.

Я скрестила все пальцы на руках и ногах в надежде на то, что мне сообщат, что он оборотень. Идеально подошло бы любое мифическое волкоподобное существо. Даже Цербер – о них ходило немало историй. Хотя если выбирать, то я предпочла бы вервольфа. На протяжении всей истории волки были одними из наиболее почитаемых существ.

Порой даже мой мозг с трудом мог понять, в какого рода вселенной мы жили, если было бы намного проще, окажись Данкан оборотнем.

Я не могла даже вообразить, как объяснить *такое* тому, кто не знал правды о созданиях, бродивших по нашей планете среди бела дня. Люди едва терпели тех, кто мало чем от них отличался. Расскажи им о том, что магия появилась на Земле тысячи лет назад, а все мифы и народные предания, посвященные ей, основывались на *реальности*, почти любой наверняка закатил бы истерику.

Существовало бесчисленное количество фильмов и историй – художественных и документальных, если учитывать учебники с упоминанием мифов, – о людях, способных менять облик. Легенды о волкоподобных оборотнях существовали аж в эпоху Вавилонского царства. Я практически не сомневалась, что сюжеты о них имелись в культуре каждого континента. Помню, как сидела на уроке по истории ацтеков и с трудом сохраняла серьезный вид, пока преподаватель рассказывал про символизм того, как ацтеки верили, будто некоторые их воины являлись «нахуали» – оборотнями.

В подростковом возрасте я прошла через фазу, когда перечитала все романы про оборотней, какие только смогла найти. Я знала правду. Обычные люди не подозревали, что существовал не один вид вервольфов, а я навскидку могла назвать сразу несколько. Был род амароков, гигантских волков, предки которых породили истории инуитов; железные волки из тех, кого можно найти в прибалтийских преданиях... Как-то раз мне рассказали, будто ходил слух о том, что и от Фенрира из скандинавских мифов пошел священный род, но большинство тех, кого я знала и с кем росла, были потомками мексиканских волков, предки которых упоминались в мезоамериканских верованиях.

Сейчас легко оглянуться на прошлое и решить, будто всем этим древним цивилизациям больше нечем было заняться, кроме как использовать свое бурное воображение, чтобы объяснить явления вроде засухи или кошмарной бури проделками существ с благими и ужасными способностями. Но оставались и те, кто знал правду.

Это не выдумка.

Настоящее положение дел заключалось в том, что в мире мифологических легенд, которые не были вымыслом, реальность существа, способного превращаться то в волка, размер которого определяла наследственность, то в человека, причем превращаться исключительно

по собственному желанию, – общепринятый факт среди тех, кто знал о магии, давным-давно пропитавшей мир и его обитателей. Среди *волшебных существ*.

А если кто и знал о том, что не так-то просто принять, так это я.

– Нина, – выдохнул мое имя Мэтти. Судя по его голосу, он будто никак не мог вспомнить, как дышать. Я еще никогда не замечала, чтобы его глаза были так широко раскрыты, – а ведь в детстве мы кучу раз попадали в неприятности, и я уже видела их округлившимися. – Нина, какого *хрена* у него на хвосте пламя и какого черта одеяло не загорается от него?

Я усмехнулась от его растерянного тона. В этом-то ведь и был чертов вопрос?

– Я вроде как надеялась, что вы двое в курсе, – ответила я ему, слегка пожав плечами, чтобы не разбудить своего Пончика⁴. – И пламя волшебное. Оно сжигает, только когда он напуган или разозлен. Круто, да?

Когда Мэтти ничего не ответил – а ведь ему всегда было что сказать, – я поняла, что он остолбенел. Отчасти я пыталась убедить себя, что, возможно, он не услышал меня. Одно дело – наткнуться на улице на человека, от которого исходила магия, хранившаяся в его клетках, и который выглядел как обычный высокий парень, хотя нутром – или носом – ты понимала, что он таковым не являлся.

Тут же ситуация была другой. И в какой-то степени я знала это еще в тот момент, когда Данкан появился в моей жизни. Ну а что сейчас? Сейчас я определенно лучше понимала, насколько уникальным он был.

Настолько другим, что мне пытались навредить, чтобы похитить щенка с красными глазами и голубым пламенем на хвосте.

Не один, а целых *два* раза.

Однако об этих инцидентах я собиралась рассказать этой парочке чуть позже. Сперва нам следовало разобраться с другими вещами. Мне нужно, чтобы Мэтти и Сиенна не отвлекались на прошлое, с которым уже все равно ничего нельзя поделать.

В качестве доказательства рукой, которая не поддерживала сонное тельце щенка, я ущипнула голубое пламя. Мэтти и Сиенна ахнули, как дети в Рождество. В первый раз я тоже думала, что обожгусь. К счастью, этого не произошло, иначе с ним ничего нельзя было бы сделать.

– И не больно? – поинтересовалась Сиенна голосом, который я, уверена, слышала от нее только раз – в день, когда она познакомилась с Мэтти. Словно она испытывала благоговейный трепет.

«*Я тоже, Сиенна*», – подумала я. На свете жили волшебные создания – расы, которые происходили еще с древних времен и которые, когда хотели, выглядели и вели себя как обычные люди, – и *волшебные создания, которые выглядели как щенки*. В частности, очень-очень милый щенок с большими невинными глазами и гладкой мягкой шерстью.

– Нет, – я снова ущипнула пламя, чтобы показать ей.

Она переводила свои широко распахнутые светло-зеленые глаза с меня на Данкана и обратно. Сейчас она потеряла дар речи, и это говорило о многом, ведь она тоже была не из молчаливых. Отчасти поэтому мы и подружились, будучи подростками, и так долго оставались такими хорошими подругами. Для нас никогда не составляло труда поговорить друг с другом.

До этого момента.

Хотя, полагаю, вина за это лежала на мне. Я вроде как застала их врасплох, заявившись вот так. Я почти ничего не скрывала от них, но об этом не рассказывала до сегодняшнего дня, поскольку большую часть времени, когда все пошло наперекосяк, они находились в Европе. Мне не хотелось портить им отпуск.

– Я не понимаю, – наконец прошептала все еще ошеломленная Сиенна.

⁴ В оригинале donut – отсылка к созвучной имени Данкан известной сети кофеен с пончиками *Dunkin' Donuts*.

Прикусив щеку изнутри, я глядела на ее черные волосы и оттенок кожи, который оставался почти молочным, сколько бы времени она ни проводила на солнце. Она первой заявляла, что не считалась красивой в классическом понимании, и все же она была чрезвычайно хорошенькой. Ее круглое лицо и розовые щеки скрывали тот факт, что порой у нее бывали суперострые зубы и всегда суперберегающий характер. Час назад она открыла мне дверь, представ в облегающей красной блузке и черных брюках, с волосами, собранными в элегантный пучок на затылке, а теперь сменила тот наряд на свитер и пижамные штаны, которые она, как я была готова биться об заклад, вытащила из ящика своего мужа. Такую Сиенну я знала лучше всего, хотя утонченная ее версия нравилась мне ничуть не меньше той, что ходила в трениках.

А она любила меня, несмотря на то что девяносто пять процентов моего гардероба состояло из футболок, купленных в городах, которые мы посетили с Данканом, в дополнение к джинсам или джинсовым шортам. Три единственные красивые блузки, которые висели у меня в шкафу, достались мне от самой Сиенны. Они с Мэтти оба считали «милым», что у меня было всего четыре пары обуви: треккинговые ботинки, бежевые кроссовки, подходившие ко всему – а если нет, какая жалость, – сабо-кроксы и пара сандалий.

Потом я посмотрела на Мэтти, которого знала на целых десять лет дольше Сиенны: мы стали соседями, когда нам исполнилось по три года. Я вгляделась в его каштановые волосы, которые когда-то были настолько длинными, что он собирал их в хвост на затылке. Теперь же, когда у него появилась, как он говорил, «настоящая работа», ему по долгу службы приходилось коротко стричься. Оттенок его кожи доходил где-то до середины шкалы загара, а черты лица, которое на моих глазах выросло из трехлетки в тридцатидвухлетнего мужчину, стали острее, обрели высокие скулы и четко очерченную линию челюсти. К тому же за этот срок он набрал порядка девяноста килограммов и с нашей последней встречи обзавелся усами, из-за которых меня так и тянуло поиздеваться над ним, но каким-то образом усы ему шли. Теперь он, может, и интересовался одеждой, однако не растерял того блеска в глазах, который явно свидетельствовал о том, что в его теле по-прежнему жил озорной маленький засранец.

Они были такой красивой парой! Такими хорошими друзьями. Лучшими людьми из всех, кого я знала, не считая моих родителей.

И с первого взгляда вы никогда и ни за что не догадались бы, что они оба являлись потомками древнего волшебства, позволявшего им превращаться в самых настоящих существ из фольклора – волков, или вервольфов, как некоторые предпочитали называть их. И под «вервольфами» я подразумевала «настоящих» оборотней – гигантских волков, а не двуногих монстров-гибридов, как в большинстве кинофильмов.

Для «обычных» людей, рожденных без магии – слова, которыми почти все разбрасывались как объяснением способности некоторых становиться существами из преданий, – Мэтти и Сиенна выглядели обыкновенно, не считая того факта, что в большинстве стран они оба считались красивее большинства. Но те, кто обладал чувствительным носом или обостренным чутьем – включая меня, – кто оказался рожден в семье, в жилах которой текла магия, могли сразу сказать, что они были иными. Некоторые предпочитали говорить, что Мэтти и Сиенна «благословлены», имея в виду их предков.

Будто бы без этого легко отличаться от всех и лгать всю свою жизнь.

Как бы не так. Секреты любого масштаба – тяжелая ноша. Возможно, кому-то от подобного определения и стало *легче*, но *легко* не было никому.

– Он ничего не поджигает, когда спокоен, – продолжила я про хвост Данкана. – Поначалу он поджег несколько вещей, но не повторял такого вот уже почти две недели. – Мне показалось, что, если постараться, я все еще могла почувствовать запах паленых волос. Это напомнило мне о том, как мы с Мэтти в одиннадцать лет попытались развести костер, поскольку наши семьи не желали отвезти нас в поход. Нам нехило досталось, особенно когда родители увидели наши брови. Правая бровь Мэтти так и не отросла до прежнего вида.

– Когда ты сказала, что хочешь показать нам что-то, я решила, что ты сделала татуировку или купила новый автофургон, Нина, – призналась Сиенна, по-прежнему уставившись на пламя Данкана.

Я не то чтобы *хотела*, чтобы причина заключалась в этом, но это сделало бы мою жизнь чертовски проще, чем она была в последнее время.

И менее опасной.

Моя саднящая шея безмолвно согласилась, когда я усмехнулась и поудобнее устроилась на диване, на котором мы сидели в их гостиной. Вместо маленького провинциального городка, в котором я познакомилась с ними, теперь они жили в Чикаго. В квартире. На десятом этаже.

Клянусь, они были наименее вервольфными вервольфами из всех, кого я встречала. Но это являлось одной из многих причин, по которым они оказались вместе – в своей собственной маленькой стае из двух оборотней, а мы с Данканом были ее почетными членами по умолчанию.

Я нажала на маленькую кнопку, которая удерживала его ошейник, и увидела, как мои друзья сделали глубокий вдох.

На лицах у них не было ни тени узнавания, лишь еще больше удивления. Я снова застегнула ошейник. Я ни в коем случае не собиралась оставлять его расстегнутым.

– Как? – Сиенна наклонилась вперед еще чуть сильнее. – Ты проснулась, а он... – она махнула рукой вверх и вниз.

– Я не знаю как, – честно призналась я, снова пожав плечами. – Мы пошли спать, а на следующее утро он оказался на мне, его голова была прямо перед моим лицом, и он смотрел на меня. Его глаза были красными, а потом он стал вилять хвостом, и мне почудилось, что его зад в огне, – я попыталась потушить его водой, песком и землей, но ничего не помогло. Чистое везение, что мы находились на почти пустой стоянке для автофургонов и я не закричала, как в тот раз, когда он притащил крысу в наш трейлер. Огонь не исчезал. После того как он появился, Данкан испугался, и его пламя изменилось, разгорелось еще ярче. *Тогда-то* он и поджег кое-что. Но сначала я опробовала огонь на своих пальцах.

Прощай, моя любимая толстовка и часть волос.

А потом он несколько раз испытывал страх иного характера, но этими подробностями я собиралась поделиться с друзьями попозже. Прежде чем перейти к этому, мы должны сосредоточиться на самом главном.

– Я очень надеялась, что все это объяснит капля волчьей ДНК в нем, но вы оба смотрите на него как на пришельца, а значит, дело не в этом, да? – продолжила я, все еще цепляясь за эту мечту.

Они уставились на меня.

Разумеется, Мэтти и Сиенна поняли бы, будь Данкан таким же. Мы просто решили, что он еще слишком маленький, чтобы проявлять какие-либо черты, характерные для их вида мифологических существ. Им обоим было по пять лет, когда они превратились из обычных детей в тех, кто мог обращаться в щенка. С другой стороны, моя собственная натура... магия, если угодно... не проявлялась до подросткового возраста. Но это было как сравнивать стейк с куриной грудкой. И то и другое – белок, но далеко не одно и то же.

Однако в конце концов именно это и произошло. Истинная природа Данкана *проявилась*, по крайней мере в виде хвоста и глаз, сразу после его *второго* дня рождения. Если точнее, через несколько дней после него. Только вот его изменения несвойственны оборотням. И говоря по справедливости, и я, и мои друзья начали свою жизнь в облике обычных человеческих младенцев.

В отличие от моего Пончика.

– Да, да, я знаю, что вы сказали, что он не оборотень, но я все равно надеялась, – проворчала я. Я была оптимисткой, и они об этом знали. Я по-прежнему надеялась, что моя

любимая мальчиговая группа воссоединится, а сэндвич «МакРиб»⁵ вернется в продажу. – Я подумала, вдруг мы все ошиблись и он своего рода гибрид оборотня.

Мэтти фыркнул носом от смеха...

– Гибрид оборотня? – он с самодовольной ухмылкой посмотрел на меня.

Ему было необязательно делать вид, будто я тупая.

– А ты до тринадцати лет верил, что Санта существует, – напомнила я ему. – По-моему, не тебе смеяться надо мной из-за мечты. Случались вещи и постраннее.

Он бросил на меня взгляд, когда Сиенна усмехнулась. Она уже знала эту историю о том, как мне приходилось еще два года лгать другу после того, как я выяснила правду про старину Святого Ника.

– Не мне, но... ты что, опять пересматривала «Другой мир»⁶? – с насмешкой спросил он.

– Может быть, но только потому, что я искала подсказки.

По правде говоря, я уже знала, что мифология фильма была совершенно неправдоподобной и вряд ли над ним работал хоть кто-то из их вида, поскольку все было показано абсолютно неверно. Но я находилась в отчаянии, не могла уснуть, а сюжет был увлекательным. Я ни о чем не жалела.

И, взглянув на все еще дремавшего щенка на своих коленях, я вспомнила, почему все это затеяла. Я не могла поверить, что он проспал всю дорогу до квартиры Мэтти и Сиенны. Не могла поверить, что он и сейчас *все еще* спал. Он любил их. Не было ни одной причины, по которой он был бы *настолько* уставшим, но чутье подсказывало мне, что это неспроста. И не имеет никакого отношения к болезни.

Он был в стрессе, и я винила в этом себя.

– Я не знаю, что делать, – призналась я своему лучшему другу детства и лучшей подруге с подросткового возраста. – Я провела обширное исследование, но все еще не знаю, что он такое. И теперь я не могу больше скрывать его, ни днем, ни ночью. Слишком очевидно, что он не такой, как все.

Вот почему я оказалась в безвыходном положении, испытывая панику и беспомощность. Вот почему я думала сделать то, что собиралась.

Вот почему я здесь.

По лицам обоих я поняла, что они размышляют, почему я не рассказала им об этих переменах в Данкане раньше. Они точно отругают меня за это позже и будут правы. Однако сперва нужно потушить пожар, а потом уже выяснять, с чего он начался.

Так же, как я все поняла по их лицам, они так же могли прочесть меня. И учуять мои чувства по запаху. Я могла сосчитать по пальцам одной руки все те разы, когда у меня получилось что-то скрыть от них. И сейчас, на самом деле, мне удалось продержаться так долго только потому, что мы не встречались лично и не разговаривали по телефону с тех пор, как они отправились в путешествие.

Теперь, когда они вернулись, мне нужен их совет. Мы нуждались в помощи. Я должна здраво смотреть на наше положение. Мы с Данканом больше не могли жить как прежде, и это факт.

В душе я знала, что наше время путешествий по стране в моем автофургоне лишь вдвоем, пока я работала удаленно, подошло к концу.

Последние пару недель я все думала и думала, пытаюсь понять, какие у нас есть варианты и почему девяносто девять процентов из них не сработают. В итоге все свелось вот к этому

⁵ «МакРиб» (англ. *McRib*) – сэндвич со свиной со вкусом барбекю, периодически продаваемый международной сетью ресторанов быстрого питания McDonald's.

⁶ «Другой мир» (англ. *Underworld*) – фильм 2003 года режиссера Лена Уайзмана, соединивший традиции боевика, современного «черного триллера» и фильмов о вампирах и оборотнях.

финальному акту отчаяния. К единственной идее, пришедшей мне в голову, которая могла сработать в долгосрочной перспективе.

С тех пор как я нашла своего шерстяного Пончика, жизнь перестала быть прежней, и вот теперь она менялась снова. И я могла либо приспособиться к этой новой совместной с Данканом реальности, поскольку он прицепился к моей жизни и к моему сердцу, как заветный банный листочек, подаривший мне ту любовь, к которой я пристрастилась, либо... я могла сделать то, с чем никогда не сумела бы жить дальше.

Выбирать, по сути, не из чего. Мне всего лишь хотелось убедиться в том, что им не придет в голову нечто такое, до чего я не додумалась первой. На всякий случай.

– Не знаю, что я должна делать, но мне нужно кое-что выяснить, – сказала я, стараясь говорить нейтрально. – С тех пор, как это случилось с хвостом, он набрал два килограмма. До этого он весил три с половиной. *Сейчас* я еще могу прятать его в одеяло, но с трудом. Но что, такими темпами, будет через месяц? Через шесть месяцев? Насколько большим он вырастет? Что еще в нем поменяется? – с каждым предложением мой голос становился все выше и выше, пока в итоге мне не пришлось прочистить горло.

Переменных слишком много, и Данкан оказался не единственным, кто испытывал стресс. А я ведь еще не дошла до его телепатии.

– Он больше не может жить в этом мире, если только не провернет фокус а-ля Пинокио и не превратится в настоящего мальчика.

Это лучший способ объяснить, на что способны Мэтти и Сиенна, а также все прочие нахуали, или оборотни: менять свое сказочное тело на человеческое и обратно.

Если подумать, это так странно – быть человеком в одну секунду и кем-то совершенно иным в другую, по-прежнему полностью сохраняя свою личность – по крайней мере, так мне рассказывали. В зависимости от того, как на это посмотреть, подобное может считаться чудом...

А для некоторых в каком-то смысле и проклятием. Для тех, кто не был внушавшим симпатию вервольфом. Или девятихвостой лисой, занимавшей почетное место во многих разных мифологиях. Или *единорогом* – все любят единорогов. Или одним из десятков прочих подобных существ, милых, почитаемых и уважаемых.

И все же, как говорила мне мама, цивилизация за цивилизацией неспроста в равной степени и боготворили, и боялись определенных созданий. Существовали истории о хороших, плохих и о тех, кто внушал истинный ужас столь многим душам, что сказания о них продолжали рассказывать веками. О последних я знала немало.

– И я не понимаю, может, он вообще так никогда не сумеет, – продолжила я, выкладывая все без разбора. – Проблема в том, что у меня нет безопасного места, где он смог бы быть самим собой, если останется таким. Он же не может провести всю жизнь без возможности выйти на улицу. И что, если ему понадобится общение с другими людьми, а не только со мной?

Некоторых людей и существ устраивал уединенный образ жизни, но далеко не всех. Оборотни, огры и кентавры неспроста растили детей в общинах: ради безопасности и семейных уз. Чтобы стать приспособленным волшебным созданием, им нужно учиться у *кого-то*. При лучшем-то раскладе дети были сущим наказанием, а если добавить сюда еще и волшебную хромосому с потенциальной способностью напугать большинство людей до чертиков?

Если честно, удивительно, что этот секрет так долго оставался нераскрытым.

Волшебным созданиям удавалось оставаться в тайне.

Я подумала о том, чтобы вернуться туда, где выросла, – в маленький городок посреди глуши в Нью-Мексико. Когда я была маленькой, это место наполнилось волшебными существами. В основном там жили волкоподобные, но встречались и семьи огров плюс пара других созданий, правду о которых я никогда не знала *наверняка*, настолько скрытными они были.

А *может*, они и сами не знали, кем являлись. Я раньше никогда не думала о подобном варианте.

Но за последние десять лет все изменилось, и город стал не таким, как раньше. Численность населения сократилась, предприятия позакрывались, а старейшины, удерживавшие общину вместе, скончались, после чего более молодые горожане разъехались прочь. Родители Мэтти умерли. Мои тоже были не там. Родители Сиенны переехали сразу после нашего выпускного и теперь жили в Вайоминге. Не осталось никого, ради кого стоило бы терпеть местную жару. Сейчас, отправившись туда, мы привлекли бы к себе еще больше внимания.

– Да я уже поседела, когда выпускала его на улицу справить нужду и поиграть, – призналась я друзьям.

Теперь каждый раз, когда мы выходили из автофургона, я боялась. Всю дорогу до квартиры друзей я обливалась потом. Что, если бы я поскользнулась на свежeweымытом полу и он вывалился бы из одеяла? Что, если бы я слишком сдвинула руку и кто-нибудь случайно увидел бы его хвост? Что, если бы его ошейник сломался и расстегнулся? Я провела немало бессонных ночей, беспокоясь обо всех этих вариантах развития событий.

– Седые волосы у тебя были и до этого, – ответил этот умник, которого я знала и почему-то любила, а его взгляд упал на тайну в моих руках, когда я коснулась «ошейника», который приобрела для Данкана на прошлой неделе. По сути, это браслет с защелкивающейся застежкой, который я при необходимости могла с легкостью надеть и снять. – Он обсидиановый, как и твой браслет? Поэтому мы больше не можем учуять его запах? – он потерял нос. – Я и не замечал, что не чувствовал ничего, кроме запаха его шампуня и дыхания.

По крайней мере, я не зря потратила свои сбережения. Если уж Мэтти не мог унюхать его, значит, никто другой не сумел бы.

– Ага, – ответила я.

После тех двух происшествий мне показалось наиболее разумным как можно лучше спрятать Данки. Оглядываясь назад, я понимаю, что должна была поступить так с самого начала, но... Я уже не могла отмотать время вспять и принять более мудрое решение, как, например, оплатить срочную доставку. Огненный обсидиан стоил недешево, и его непросто найти, разве что заказать доставкой.

– Лучше побережись, чем потом пожалеть. – Хотя в определенной степени это было ложью. Мы не убереглись от опасности и пожалели об этом.

Но раз уж я не могла отмотать время назад и мои сожаления ни к чему не привели бы, все, что мне оставалось, – это *приложить еще больше усилий*. Данкан нуждался во мне, и я не желала подвести его снова.

Мы все втроем посмотрели на лапки, которые вытянулись из-под одеяла. Блестящая черная шерсть, темные подушечки и короткие черные когти.

А потом на конце пушистого черного хвоста снова вспыхнуло пламя размером чуть больше огня на зажигалке.

Сиенна втянула в себя воздух, словно удивляясь повторно.

Мэтти издал горлом утробный звук, который, если честно, не предвещал ничего хорошего, и я задумалась, не пришло ли ему в голову то же решение, что и мне.

Его взгляд скользнул в мою сторону.

Моя самая любимая женщина на планете, не считая моей мамы, выдохнула и почесала щеки длинными тонкими пальцами, не заметив, как ее муж искоса посмотрел на меня.

– По правде говоря, Нина, понятия не имею, – она покачала головой. – Я подумала, что, может, тебе построить хижину в лесу, но там будет безопасно только в том случае, если ты купишь еще и тысячу акров в придачу. Риск быть увиденными окажется слишком высок, к тому же это не решит проблемы со стаей, которая может понадобиться Данкану. Мы это обсуждали.

Обсуждали. Я помнила наш разговор сразу после того, как нашла щенка. Очень напоминало эту беседу, только сейчас я представляла, что делаю и на что готова пойти ради него.

Когда мы впервые встретились с Данканом, я, *скорее всего*, сделала бы что угодно ради него.

Сейчас же в моей душе не было ни капли сомнения в этом, и я сделала бы это с улыбкой на лице.

– Каждый вариант, который приходит мне в голову, имеет десяток причин, почему он не сработает. Его внешность не спрятать. Каждый раз перемещаясь из одного места в другое, вы находитесь в опасности. Что, если машина сломается и тебе придется остановиться на обочине? Что, если кто-нибудь заглянет в окно твоего пикапа или автофургона и увидит его, когда тебя не будет рядом? – продолжила Сиенна, скорчив свое круглое лицо.

Именно *это* приходило в голову и мне. Ничего не годилось. По крайней мере, в долгосрочной перспективе.

Мэтти откашлялся.

– У меня есть идея.

Мы посмотрели друг на друга, моргнув.

Мой самый старый друг, может, и был другого пола, волшебным созданием другого вида и вообще самостоятельной полноценной личностью, но за всю нашу дружбу я далеко не раз думала, что между нами существовала некая связь. Возможно, в другой жизни мы были близнецами. Или просто братом и сестрой. Не знаю, но что-то нас связывало.

И всего лишь по одному этому взгляду я поняла, что мы подумали об одном и том же.

– Ты знаешь, что я собираюсь сказать, – предупредил он.

Я кивнула.

– Уверена, что да, но все равно скажи.

Следующие слова, вылетевшие из его рта, были именно теми, что я и ожидала услышать от него.

– Вам нужно поехать на ранчо.

Я улыбнулась. Эта улыбка была не особо счастливой, но и не безрадостной. Две недели назад я ни за что не отреагировала бы подобным образом на это предложение – на то, что стояло за ним, и еще меньше – на то, что для этого требовалось. Однако к этому моменту я уже убедила себя, что ранчо – единственный выход, остававшийся у нас с Данканом.

Не идеальный, и, скорее всего, я вряд ли пошла бы на это, будь у меня несколько миллионов долларов на покупку тысячи акров земли, но... я смирилась. Жизнь нанесла мне достаточно ударов, и раз за разом я уклонялась, уворачивалась, пригибалась и отскакивала.

Может, настал черед нанести ответный удар.

Это мой выбор. Мое будущее. Наши жизни.

Я довольно хорошо представляла, на что подписываюсь, когда оставила Данкана себе, а не стала подыскивать кого-то другого, кто позаботился бы о нем. Никто лучше меня не знал, на какие жертвы приходилось идти, чтобы вырастить ребенка с секретами, о существовании которых не знал даже он сам. Дело было не только в том, что это стало наименьшим, чем я могла отплатить за услугу, некогда оказанную мне. Мне также нравилось думать, что в этом заключалось мое предназначение. Если оно у меня было.

– Я чувствовала, что ты скажешь это, – призналась я и получила удовлетворенный, почти самодовольный кивок от Мэтти. Испытываешь определенную гордость, когда знаешь кого-то почти так же хорошо, как самого себя. А ведь мы, заметьте, дружили уже почти тридцать лет.

– Погодите, – взмахнув рукой, вмешалась Сиенна. – Чье ранчо? О каком ранчо речь?

Я удивленно приподняла бровь, глядя на Мэтти, и он поморщился.

– О том, где я несколько лет жил с Генри после смерти матери, – уклончиво объяснил он. При упоминании о Генри я подняла глаза к потолку.

Сиенна быстро уловила неслучайность выбора слов мужа.

– Ты никогда не рассказывал о том периоде своей жизни *по-настоящему*, Мэтти, – медленно произнесла она, слегка прищурившись. – И я никогда не упоминала об этом, поскольку то время было для тебя болезненным, но теперь мне кажется, что я упустила что-то важное.

– Не *важное*, – он подчеркнул это слово, – просто я не люблю говорить о маме. – После ее упоминания на миг воцарилось молчание. Он редко рассказывал о ней, равно как и об отце. Мэтти откашлялся. – Мне пришлось уехать за сотни километров от дома, чтобы жить с кузеном, которого я тогда едва знал. – Я была почти уверена, что он и до сих пор не особо знал его, но не стала делиться этой мыслью. – И мне пришлось разбираться с новой жизнью, которой я не желал, – серьезно объяснил Мэтти. – Мне было запрещено говорить о ранчо и пока я жил там, и после того, как уехал оттуда.

На этом он искоса посмотрел на меня.

Мэтти много о чем не мог рассказывать, и все это касалось одной стороны его семьи. О чем-то он молчал, тогда как другое иногда проскальзывало в его словах. Ранчо было одной из таких тем.

Я провела пальцами по губам и выбросила невидимый ключ через плечо. Я никому об этом не рассказывала и не собиралась. Я не обсуждала это даже с Сиенной, а ведь ей было известно, как сильно у меня болел живот во время месячных. К тому же он не особо и делился со мной этой ценной информацией – по крайней мере, так мне казалось.

– Ты знала? – спросила меня Сиенна, и я кивнула.

– Совсем немного, и он рассказал мне об этом по телефону через пару месяцев после приезда туда. С тех пор мы больше никогда об этом не говорили, – пояснила я, зная, что это не расстроит ее, и все-таки мне не хотелось рисковать. Между нами никогда не было никаких странных чувств, когда дело касалось Мэтти. Даже если я не всегда говорила о нем как о своем лучшем друге, она всегда могла учуять своим носом, что между нами совершенно не было никакого сексуального влечения. То же самое касалось Мэтти и моей дружбы с Сиенной. Я любила их обоих по-разному и в одинаковой степени, и эта любовь была взаимной в той же мере.

Два моих самых любимых существа женаты друг на друге. Связаны навеки. Мне удавалось видеть их обоих одновременно. В выигрыше были все.

К счастью, реакция Сиенны меня не разочаровала. Она сделала понимающее, хоть и с небольшим прищуром, лицо.

– Ладно, так почему вы считаете, что жизнь на ранчо сработает? – Она щелкнула пальцами. – Погодите! Он владеет большим земельным участком в Колорадо, куда нас никогда не приглашали, но который он унаследовал от кого-то. – Она снова щелкнула пальцами. – Это вот это ранчо? Это там ты жил раньше?

Он кивнул.

– А-а-а. Ты почти не упоминал о нем, и те пару раз, когда я видела Генри, он... ой, – до нее вдруг дошло, – понятно. Это секрет. И там действительно такая большая площадь? Мы поэтому говорим о нем? Если Генри не хочет, чтобы мы приезжали, зачем ему позволять Нине там селиться?

И снова упоминание про Генри. Я прекрасно знала, что Сиенна встречалась с ним несколько раз и считала его недружелюбным и «несколько холодным». Это было одно из редких упоминаний о старшем кузене Мэтти, которые я слышала за многие годы.

Мой самый старый друг выпрямился и сосредоточил свое внимание на жене.

– Там достаточно акров, чтобы вместить деревню волшебных существ, которые жили там столетиями, и никто не беспокоил их. Генри унаследовал эти земли по линии своего – и моего тоже – отца. Только вот мой папа отказался от прав на ранчо и навсегда уехал оттуда, и я сделал то же самое. Мне пришлось подписать юридические документы. Теперь это все

принадлежит Генри. Он живет там не один, – невозмутимо добавил Мэтти так, будто речь шла о провинциальном городке с рекламным щитом в стороне от автострады.

Судя по лицу подруги, я была не единственной, кто посчитал подобное объяснение довольно расплывчатым.

– Эти «волшебные общины» не похожи на культы? Типа коммун?

Каждый, кто обладал какими-либо мифическими предками, слышал о подобных общинах, о которых перешептывались в узких кругах. О местах, где волшебные создания жили на эдаких фермах, на участках земли, которые не интересовали большинство обычных людей с точки зрения проживания или временного посещения. По крайней мере, так про эти территории объясняли мне. Места, где можно позволить себе уединение – или как минимум можно было в свое время.

Для существ это возможность жить рядом с себе подобными и при этом не притворяться кем-то другим. Городок, в котором я выросла, больше всего походил на такое ранчо, но даже там приходилось поддерживать определенный уровень скрытности, поскольку то поселение не было строго волшебным. Там не было стен или мер охраны – лишь люди, которые знали, как держать рот на замке, и весьма хорошо умели притворяться.

– Все немного не так. Это... деревня, и часть людей трудится там, а часть за ее пределами. Но все ее жители – волшебные существа, и предполагается, что все должны участвовать в развитии и содержании этого места.

– По-моему, все равно похоже на коммуну, – возразила Сиенна и бросила на меня взгляд, словно ожидая, что я соглашусь с ней.

И, по сути, так оно и было, судя по той скудной информации, которой он поделился сейчас с нами.

– Нет, не похоже, – заверил жену Мэтти. – Они самодостаточны настолько, насколько это возможно. А еще предполагается, что деревня должна оставаться в тайне. Как, например, когда люди никому не рассказывают о своем любимом месте для отдыха, чтобы туда не повалил народ и не испортил его.

– Если там так классно, что с этим местом не так? Почему ты уехал? – Тут Сиенну осенило: – И почему твои мама и папа не остались жить там?

– Папа сказал, что это слишком большая ответственность. Он уехал оттуда сразу же, как только достаточно повзрослел. – Кадык Мэтти заходил вверх-вниз. – Там нет ничего плохого, просто, живя там, я никогда не чувствовал себя как дома. К тому же мне нравился город. Неподалеку есть маленький городок, и в нем живет полно людей вроде нас, но... – Он пожал плечами. – Жителям деревни нравится их уединенность, и они не хотят, чтобы незнакомцы постоянно пытались поселиться среди них и нарушить их баланс.

– Значит, они не дружелюбны, – пробормотала Сиенна, снова бросив на меня взгляд.

– Самую малость.

Я рассмеялась.

– Ты преподносишь все в таком дурном свете, что я начинаю думать, что ты пытаешься отговорить меня от этого, а ведь это вообще-то с самого начала была моя идея.

– Клянусь... – простонал Мэтти, но взял себя в руки. – Смысл в том, что это уединенное место, и Нина с Данканом будут окружены людьми, которые поймут их с большей вероятностью, чем где-либо еще. Там безопасно, насколько это возможно, поскольку цель каждого – жить в мире и сохранять тайну. И это большой участок земли. – Мэтти на миг замолчал и выдохнул. – Можно бежать, пока не устанешь, и все равно не доберешься до границы. Там у Данкана будет место, где он сможет вытянуть ноги и вырасти. Тогда я не был там счастлив, но то время, что я находился в этом месте, пошло мне на пользу.

Я вроде как вычеркнула из своей памяти период, когда Мэтти уехал после смерти своей матери. В один день его кузен Генри приехал и забрал его, пока я находилась в школе, и к

тому времени, когда я вернулась домой, они уже исчезли – комната Мэтти была прибрана, а дом практически брошен. После этого мы поддерживали связь через эсэмэски, в которых он уклончиво объяснил, что кузен стал его опекуном и отныне он будет жить в Колорадо.

Это было ужасно. Сначала его отец погиб в страшной автомобильной аварии, потом его мама, а под конец уехал и он. Каждая из этих потерь была внезапной и неожиданной.

После этого я получала весточку от Мэтти лишь раз в месяц и без каких-либо подробностей о конкретном местонахождении, как бы я его ни расспрашивала. Только однажды он поведал мне больше, чем следовало. В последующие годы Мэтти вел себя весьма уклончиво, когда разговор заходил о той беседе. Я никогда не упоминала о ней, но, если бы ему захотелось поговорить об этом, я выслушала бы.

Только ему не хотелось.

– Большинство жителей – потомки Амарока или железного волка.

При упоминании потомков железного волка Сиенна оживилась. Как-никак, их оставалось не так уж много. Сам Мэтти был амароком по отцовской линии и мексиканским волком по материнской. Как и мои родители.

Мэтти продолжил:

– Вы же знаете, что оборотни любят детей, и им не важно, какого они вида.

Мы оба знали это по своему опыту, однако ему не нужно было уговаривать меня. Я уже и так убедила себя в том, что нам нужно в эту общину. На *ранчо*.

И все же при мысли об этом месте у меня сжималось сердце. Я уже много лет не жила с людьми, подобными нам, с тех самых пор, как уехала из дома родителей, когда они наконец вышли на пенсию. Из всех мест, где я побывала, дом моего детства в те времена был самым безопасным прибежищем, и я прекрасно понимала, насколько мне повезло расти среди людей, которые окружали меня тогда.

Сейчас же я знала, что некоторые создания могли с криками прогонять других всего лишь из-за их запаха. Из-за возможностей, скрытых в их телах. Я умышленно коснулась браслета на своем запястье.

Быть не таким, как все, тяжело, кто бы там что ни говорил.

Сиенна снова щелкнула пальцами и указала на Мэтти.

– Неплохая идея, малыш.

– У меня никогда не бывает плохих идей, – ответил он.

Подруга перевела взгляд на меня, и мы обе скривились.

– Ага, точно, – пробормотала я и прыснула со смеху. Она наклонилась и дала мне пять. Мы посмотрели друг на друга, расхохотались, а потом снова стукнулись ладонями.

Я ее обожала.

Мэтти проигнорировал нас.

– В последний раз, когда я виделся с Генри, он упоминал кое-что, что навело меня на мысль, что там живут сасквочи...

Это привлекло мое внимание.

– Ты сказал «сасквочи»?

Мэтти кивнул с таким видом, будто упоминание большущих мохнатых мифических созданий было обычным делом.

Что, пожалуй, так и было, ведь он сам являлся большущим мохнатым созданием из сказок.

Потом он произнес то, что окончательно убедило меня.

– Вы же знаете, как волки относятся к людям, которых считают членами своей стаи.

Об этом я знала не понаслышке. Меня вырастили волки. Удочерили двое самых лучших из них. Бывало, что я не спала ночами и все мечтала, мечтала и мечтала стать как они, хотя никто никогда не заставлял меня пожалеть о том, что я была иной. Родители пытались убедить

меня в том, насколько мне повезло, что я была особенной – как будто я знала, что это значит. Я очень сильно скучала по ним, но мысли о папе с мамой напомнили мне о своем долге.

Мне нужно пойти по их стопам – сделать все, что в моих силах, для ребенка, который биологически, может, и не был моим, зато был мне родным во всех остальных смыслах. Во всех, которые имели значение.

И мне следовало переехать туда, где много волков. *Волки* не возражали против меня и моего запаха. Равно как и огры. При этом, как их и изображали в книгах и фильмах, оборотни были собственниками, склонными к чрезмерной опеке, помешанными на семье. И особенно это касалось детей и других членов стаи. В этом большинство сценаристов не ошибались.

В мире существовали вещи и похуже, чем группа людей, которые брались воспитывать каждого ребенка в непосредственной близости от их собственного.

– Ты еще не рассказал про «но», – напомнила я Мэтти. – Скажи ей.

Лицо Сиенны просияло.

– Есть «но»? Что это? Придется побрить голову, чтобы жить там? Принести в жертву животное? Они полигамны? Потому как я не представляю себя одной из множества жен.

Я перевела глаза на Мэтти. Он улыбнулся, а вслед за ним и я.

– Я как раз шел к этому. – У него был такой зловещий вид, что я поблагодарила бога за то, что уже знала, что собиралось вылететь из его рта. Он встретился взглядом с женой. – Ей придется вступить в стаю. Они не позволят ей жить там, если она не поклянется им в верности. Так им удавалось сохранять эту тайну столько времени, и отчасти поэтому другие существа не пытаются постоянно переехать к ним.

Она снова поморщилась.

– О какого рода клятве мы сейчас говорим? Она не должна быть такой уж ужасной, раз ты все еще время от времени видишься с Генри. Они не держат его там в заложниках, так ведь?

– Думаешь, кто-то смог бы удержать Генри в заложниках? – Мэтти усмехнулся.

Если он был таким же, каким я его запомнила, ответ отрицательный. Мои воспоминания о Генри хранились в том участке мозга, который я заперла на замок. Большая часть из них была нейтральной, часть приятной, часть очень приятной, но были и те, что причиняли боль. Те, что я не отпускала, пока не повзрослела в достаточной степени, чтобы переработать их и понять, почему кузен Мэтти сделал то, что сделал.

Сиенна прыснула от смеха и пожала плечами в знак согласия.

– Так в чем подвох?

Мэтти искоса посмотрел на меня снова, словно проверяя, убеждаясь в том, что я была готова к ответу.

Я ухмыльнулась ему, потому что *знала*. Из-за этого нехилого подвоха я ночами не спала, гадая, смогу ли я пройти через это. Проверить, насколько велика моя любовь к Данкану. На что я готова пойти ради него.

И если мое согласие не сообщит всему свету о том, как я обожала своего мальчика, я даже не представляла, что еще могло это сделать.

В глазах Мэтти мелькнул блеск веселья, когда он, наконец, выдал объяснение, которое разубедило бы человека в менее отчаянном положении переезжать на тайное ранчо:

– Нине придется выйти замуж.

Глава 2

– Нам нужно еще раз пройти по плану?

Держа руки на руле, я оглянулась через плечо на Сиенну и Данкана, уютно устроившихся на заднем сиденье моего пикапа. Щенок грыз красную игрушку, которую Сиенна держала в руках и которую я раньше не видела. Самым милым было то, что оба выглядели так, словно на свете нет иного места, где им захотелось бы очутиться. Несколько часов назад там с Данканом, растянувшимся на его груди, лежал Мэтти, и оба похрапывали. Сиенна, тихо хихикая, сняла их на видео.

Я была так счастлива от этого. Данкан обожал внимание. Любил любовь. И мои друзья любили его в ответ. Существовала поговорка о том, что нужна целая деревня, чтобы вырастить ребенка, и сейчас она подходила как никогда, хоть и в несколько ином смысле.

Потому-то я и сообщила друзьям в тот же вечер, когда мы приехали к ним, что хочу отвезти Данкана на ранчо. Тот факт, что они не стали возражать, но предложили мне переехать поближе к ним, чтобы растить его вместе, говорил о многом. Только это не сработало бы и было небезопасно. Так что я почти не удивилась, когда Сиенна стукнулась плечом о мое плечо, а Мэтти сказал: «Я уже написал Генри».

Так два дня спустя мы вчетвером и оказались в пикапе, который тащил мой автофургон через границы штатов. Мы ехали и ехали – каждые пару часов мы с Мэтти сменяли друг друга за рулем, – километр за километром сокращая расстояние между Чикаго и точкой в Колорадо,

куда мы направлялись. Мэтти ввел координаты долготы и широты в навигатор. Зачем этой общине настоящий адрес, если она была такой скрытной и закрытой, как он описал?

Я, на удивление, почувствовала себя намного лучше из-за того, что жившие там люди прибегли к столь крайним мерам. Не знаю, как им это удавалось, но я решила, что выясню это, когда мы доберемся туда через... пятнадцать минут, если верить приложению. Я не позволяла себе волноваться. Они либо разрешат нам остаться, либо нет. Я либо нашла бы того, кто настолько хотел завести семью, что был бы готов жениться на незнакомке... такой, как я... либо нет.

Это был бы не первый и не последний раз, когда кто-то пошел на такое, чтобы жить там, напомнил мне Мэтти.

Если в мире и существовало место, где брак с совершенно незнакомым человеком считался нормальным, так это на ранчо его кузена.

Но когда лес вдоль дороги стал гуще, вечнозеленые деревья – выше и шире, а кабину наполнил густой аромат волшбы – хотя кондиционер работал на полную катушку, – я начала задаваться вопросом, куда же именно мы ехали. Мэтти предупреждал, что магия здесь сильная, но я думала, он преувеличивал – этот же человек на метр развел руки в стороны, описывая паука, которого он обнаружил в мужском туалете на заправке.

Мне потребовались почти все силы, чтобы сосредоточиться на вождении, а не остановиться на обочине и высунуть голову в окно.

– Нина? – Звук голоса друга оторвал меня от ощущения магии снаружи. Он сидел на переднем пассажирском сиденье, где оставался с нашей последней остановки. На ней за руль села я, чтобы он смог съесть хот-дог, который я чуть ли не умоляла его с Сиенной не покупать.

Одного взгляда на этот хот-дог было достаточно, чтобы понять, что после такого у меня разболелся бы живот.

Я расслабила пальцы на руле.

– Нет, не нужно снова проходиться по плану. Я все поняла. – Мы уже дважды повторяли его, но, насколько я понимала, у нас всего один шанс. – Когда приедем, говорить будешь только ты. Я не буду снимать браслет, пока они не попросят, и точно так же мы поступим с ошейником Данкана.

Это не так уж сложно. Просто... важно. Разрешение остаться на ранчо зависело от столь многих вещей вне зоны моего контроля, что у меня все зудело.

План либо сработает, либо нет.

Я снова сжала руль.

– Ты не был там с тех пор, как уехал? – спросила я друга, осознав, что не помню, чтобы он когда-либо упоминал о своем возвращении в место, где прожил несколько лет.

– Ни разу с момента моего восемнадцатилетия. Здесь меня не держало ничего, кроме Генри, – ответил он. – Большинство ребят, вырастающих на ранчо, рано или поздно уезжают. Кто-то возвращается, но их меньшинство. По крайней мере, так было тогда. Ты взрослеешь здесь, хочешь увидеть мир, а потом либо приезжаешь снова, либо нет.

– И ты не вернулся. – Как и его отец.

– Ну нафиг.

Мы с Сиенной рассмеялись.

– Я знаю, что тебе не знакома такая роскошь, как доставка еды и доставка товаров на следующий же день, но это просто чудесно, – объяснил он. – Когда Генри в первый раз вывез меня в Денвер, мой мозг чуть не взорвался.

– Доставка товаров на следующий же день, – простионала я со смехом. Совсем разбаловался. – Когда мы росли, ближайшая сеть быстрого питания находилась в тридцати минутах езды. Наш городок такой маленький, что там было всего две автозаправки.

– Да, да, и вот поэтому я считаю, что ты прекрасно устроишься здесь, – заметил он, как будто у меня был другой выход.

«Если только они тут же не возненавидят меня», – подумала я, но не сказала этого вслух.

Мэтти потянулся рукой назад, и я могла лишь представлять, что он гладил Данкана. Или лапал Сиенну.

– Все будет в порядке.

Его слова звучали так, будто он и сам в это верил.

– Если не выгорит, придумаем какой-нибудь другой план. Найдем другую общину. Сейчас я могу всего лишь на несколько дней отлучиться с работы, поскольку у меня назначена встреча, которую нельзя пропустить, но через две недели можно будет попробовать что-нибудь еще. Как-то давно до меня дошел слух про одно место на Аляске...

В моей голове шевельнулось что-то давно забытое. Прежде чем успеть задуматься об этом, я наклонилась вперед. Вдалеке кто-то перебежал через дорогу. И он точно не был похож на оленя.

Пару раз моргнув, я посмотрела на то же место, зная, что мне не привиделось. Еще кто-то пересек дорогу. Меньше. Пушистее.

– Мэтти... – Я осеклась.

Он перестал говорить об Аляске.

– Да?

– Клянусь, я только что видела детеныша кентавра.

Он наклонился к пассажирскому окну, внимательно глядя в боковое зеркало заднего вида.

– Нет, в лобовое. – Я сбавила скорость как раз в тот момент, когда мимо пробежал еще кто-то более пушистый, белый и на четырех лапах. Я показала на него. – Я уверена, что мимо только что пробежали детеныш кентавра и два маленьких волка.

Я остановила пикап с автофургоном у обочины и поставила автомобиль на ручной тормоз. Дорога почти пустовала с тех пор, как мы свернули с автомагистрали. Постоянно попадались знаки, указывавшие, что там находился тупик, что там нет въезда в национальный заповедник, однако...

Мэтти уже отстегивал ремень безопасности.

– Им, наверное, не следует бегать тут посреди дня, да? – спросила я, тоже начиная отстегивать свой ремень.

Он покачал головой и потянулся рукой к двери.

– Да, не следует.

Я обернулась и посмотрела на Данкана, который все еще сидел на Сиенне, касаясь ее коленей своими длинными ушами. Он сразу же стал весь внимание. Я испытала такое облегчение, когда он, наконец, проснулся в их квартире, открыв ясные глаза, и вел себя как обычно – не считая игры в Спящую красавицу.

– Си, побудешь с ним, пока я помогаю Мэтти найти детей?

Она обняла руками своего маленького друга, широко распахнув светло-зеленые глаза.

– Со мной этот малыш в безопасности, только мы выйдем из машины и посидим у кромки леса. Я видела слишком много видеороликов про то, как другие машины врезались в тех, кто парковался у обочины. Я спрячу его под своей курткой и его одеялком.

Я послала Данкану с Сиенной воздушный поцелуй и потянулась к двери.

– Мы скоро вернемся.

Но выбравшись из пикапа, я сразу же застыла на месте.

«Вау», – подумала я, наполняя легкие свежим воздухом и пропитавшей его магией. Это было... *вау*. Ощущение походило на мурашки, только они бегали внутри моего тела. Как нюхать свой самый любимый на свете аромат, только лучше.

Но Мэтти уже ждал. Он сделал глубокий вдох, покрутил головой из стороны в сторону, а потом наклонил ее к левому плечу. В отличие от меня, он пытался найти детей, не обращая внимания на окружающее место. Неужели оно не действовало на него в той же степени? Его обоняние в сотню раз сильнее моего...

– Они пошли туда, – указал он. – Насколько маленькими они выглядели?

Мы пересекли ухоженную дорогу и остановились у ограды от хищников, доходившей мне до груди. Мэтти каким-то образом удалось без труда перелезть через нее, хотя он был в чистеньких кроссовках, выглядевших не особо удобными, и брюках, которые я называла хаки, а он спорил и говорил, что они были цвета ириски, что бы это ни значило. Вдоль ограды висели знаки «Вход воспрещен», а также надпись, гласившая о том, что ведется видеонаблюдение. Тоже мне препятствие! Я постояла и осмотрела ограду сверху донизу, после чего протянула руки к Мэтти на другой стороне. Он ухватился за них и взял на себя большую часть моего веса, пока я карабкалась по ограде, как по шаткой лестнице, после чего спрыгнула с верха, и он замедлил мое падение.

– Кентавр, пожалуй, похож на мальчика? Он был размером где-то с олененка? По-моему, у него было всего две ноги, но все произошло так быстро, что я не уверена. Волки же... один был крупнее Данкана, а второй крупнее первого, кажется. – Я понимала, что описание было так себе, но все случилось слишком быстро. Я не ожидала так скоро увидеть каких-либо волшебных детенышей бегающими по округе.

Он нахмурился и кивнул, широко раздувая ноздри.

– Безобразники.

– Скажи, да? Кто же уходит на поиски приключений подальше от дома посреди дня? – Я глянула на друга, который посмотрел на меня и ухмыльнулся.

Мы уходили кучу раз. Наверное, почти каждые выходные, пока он не переехал.

– Они выглядели слишком маленькими, чтобы гулять без присмотра... – Я остановилась и прыснула от смеха. – Я говорю как взрослая, еще и как лицемерка, но ты был крупнее, когда мы отправлялись в приключения, не сообщив родителям.

Мэтти усмехнулся самым знакомым для меня звуком на свете.

– Родители тогда могли найти нас, если бы захотели, и единственную опасность для нас представляли только змеи. Здесь же намного больше всего, что может навредить этим ребятам. – Он посмотрел на меня. – Жилую территорию окружает ограда. Они не должны были оказаться так далеко.

Ничего себе обход.

Да только не существует полностью безопасных мест. Я не собиралась волноваться об этом.

– Мэтти, магия здесь такая... – Я сделала еще один длинный вдох через нос. Было сложно описать, чем пах воздух, и еще сложнее – свои ощущения.

Мэтти неоднократно пытался объяснить мне, как он различал характерные запахи, но это походило на попытку объяснить продвинутый курс физики тому, кто с трудом разбирался в естествознании уровня средней школы.

– ...насыщенная. И пахнет очень вкусно. – Волоски на моих руках согласились. Равно как и каждая часть меня. Магия была чистой, чудесной и... по моей спине вдруг побежали мурашки.

– Кое-кто из старейшин утверждал, будто осколок метеорита упал где-то в этом районе. Я шокированно посмотрела на него, в то же время не удивляясь этому.

Он продолжил:

– На территории есть участки, где чувствуешь нечто такое, чего нет нигде. Вот увидишь. – Он указал направо, и мы двинулись в том направлении.

В этой части леса, ощущая невидимую силу, окружавшую нас... я поняла, что он имел в виду. Некоторое время назад мы с Данканом останавливались в Южной Дакоте, и то место показалось нам особенным. Но магия там не шла ни в какое сравнение с волшебством здесь.

Я снова полной грудью вдохнула, и по моему телу пробежала дрожь.

– Мне нравится, – тихо сказала я Мэтти, посмотрев на нависшие над головой ветви, после чего друг плечом легонько подтолкнул меня влево. Я не знала, что и думать о той едва заметной улыбке, которой он одарил меня при этом. Вот что, должно быть, испытывал каждый герой любого фантастического фильма, когда обнаруживал новую планету: благоговейный трепет, настороженность и, пожалуй, растущую надежду.

Мы ускорили шаг, и я изо всех сил старалась расслышать голоса – что было почти невозможно из-за птиц на деревьях, которые как можно громче распевали свои песни. Мы как раз перебрались через узкий ручей, когда Мэтти положил ладонь на мое плечо и снова указал в сторону.

Прямо перед нами были два пушистых волчонка и существо, похожее на детеныша кентавра... или как там звалась их козлиная версия. В тот момент я никак не могла вспомнить их название. Но сейчас важнее было другое: три малыша стояли полукругом, а над ними возвышалось создание, похожее на... ну, на... болотную тварь?

Ребята тряслись от страха, и мне не нужен был нос друга, чтобы понять, что они напуганы.

Я встретилась взглядом с Мэтти, и он нахмурился, как раз когда зеленая тварь прорычала:

– Слишком далеко от дома, детишки. Слишком малы, чтобы гулять без защиты, а? – Губы твари растянулись в улыбке прямоком из кошмара стоматолога, обнажив острые потемневшие зубы, которым явно не хватало чистки. И, пожалуй, брекетов.

– Ты... ты на нашей земле, – ответил кентавр голосом ребенка. На каждом слове он дрожал и то повышался, то превращался в шепот, был то высоким, то низким. Он не был малышом, как мой Пончик, но, по-моему, ему не исполнилось и десяти лет.

– Вашей земле? – со смехом переспросило болотное создание, отчего мне стало по-настоящему не по себе.

Мне не было *страшно*, но и касаться его мне не хотелось. Не хотелось находиться рядом с ним. У него было человекоподобное тело, не менее двух метров высотой, и было даже то, что я назвала бы волосами – очень длинными волосами, которые несколько лет не знавали ни расчески, ни шампуня и напоминали водоросли или склизкую траву, прилипшую к его щекам и телу. Его шершавая кожа отливала разными оттенками зеленого.

А еще он носил длинную юбку?

Я много лет изучала мифологию, но навскидку не могла вспомнить ни одно существо с зеленой кожей.

На ответ болотной твари самый маленький из волчат – белый – выскочил вперед, обнажив клыки, и зарычал, а шерсть на его спине встала дыбом. Он был крупнее Данкана, которого еще можно было носить на руках, но, бог мой, этот волчонок явно плевал на то, что выступал против существа в сотню раз крупнее него. Черт возьми, этот храбрый маленький волк чокнутый.

Но болотную тварь он не впечатлил, судя по тому, как та наклонилась и оскалилась на малыша, свирепо зарычав.

Маленькому психу *было плевать*. Он снова выскочил вперед, обнажив еще больше зубов и призвав каждую толику храбрости, что находилась в его теле. Как можно быть таким безумным и милым одновременно?

Мне хотелось обнять его и похвалить, ведь смелость – это непросто. Большинству людей, включая меня саму, не так-то легко давалось постоять за себя и других.

Из-за этого у меня до сих пор болела шея.

– Тебя я съем первым! – прорычало зеленое чудище.

Я взглянула на Мэтти, который приподнял брови, и сделала то же самое, как раз когда зеленая задира зарычала так громко, что я удивилась, как с ветвей не попадали листья. От одной громкости этого рыка я вздрогнула. Даже Мэтти поднял руки и с сердитым видом прикрыл свои чувствительные уши.

Тогда-то все и решилось.

Мой лучший друг показал сначала на себя, потом на меня. Немой вопрос повис в воздухе: что Мэтти собирался сделать? Сразиться с тварью на глазах у детей? Он, может, большую часть времени и был самым общительным человеком на свете, но под аккуратно постриженными усиками и брюками цвета хаки жил хищник. И, как и большинство оборотней, которых я знала, ряд вещей мог заставить его обратиться к той другой части своей личности, которую он обычно хорошенько скрывал. Только в этот момент он был одет так, словно собирался кататься на лодке, а не ввязываться в драку с лесным чудищем.

Мне не нравилось причинять людям боль, но задиры мне не нравились еще больше. К тому же никто не смел обижать детей. Только через мой труп.

Чувствуя небольшую обреченность, но в основном злясь на эту сволочь, я подняла палец и указала на себя, безмолвно вызвавшись вмешаться, чтобы помочь. Мэтти удивленно улыбнулся.

Мой друг был, бесспорно, крупнее и сильнее меня. Мне хватало сил на то, чтобы одной рукой удерживать подрастающего щенка на протяжении приличного времени, плюс я, как правило, могла донести все пакеты с продуктами из пикапа в автофургон, не вспотев, если идти было не очень далеко. И все же с моими друзьями-оборотнями мне – не сравниться. Я обладала обычной силой, ростом в метр семьдесят, у меня не было острых зубов, и ногти я стригла довольно коротко, потому что *терпеть не могла*, когда они отрастали и случайно загибались о что-нибудь.

Но... иногда, чтобы победить, не нужно использовать острое оружие или физическую силу. И я могла сказать, что, не считая тех двух происшествий, когда у меня пытались забрать Данкана, мне удавалось выпутаться почти из всех затруднительных ситуаций, не прибегая к другим вариантам. Как у Геракла была сила, а у русалок их прекрасные, но смертельные песни, у меня тоже имелись свои методы.

Ведь, окажись на месте этих детей Данкан, я тоже надеялась бы, чтобы кто-нибудь защитил его от опасности.

Вот что я говорила себе, шагая к небольшой группе с криками «Привет! Здравστε!», хотя была почти уверена, что сейчас находилась настолько близко к ним, что, несмотря на звуки живой природы вокруг, они отчетливо слышали, как хрустели ветки и листья под моими ногами.

Зеленая болотная тварь перевела внимание в мою сторону и снова обнажила зубы. Двое из несчастных ребяташек взвизгнули, а маленький кентавр выскочил между более мелкими волчатами, тогда как белый безумец изо всех сил зарычал и защелкал на меня зубами из-за спины друга. Грубо с его стороны, но я вроде как понимала, считалась еще одной сунувшейся не туда чужачкой, а они уже и без того сильно испугались.

– Все хорошо. Я не обижу вас, ребята, – спокойно сказала я, медленно подходя. Было бы здорово, будь расстояние между детьми и болотным существом побольше. Я улыбнулась зеленой твари, стараясь изобразить дружелюбие. – Меня зовут Нина, а тебя?..

– Не твое собачье дело, идиотка!

Ну что же.

Я поджала губы, хотя на самом деле мне хотелось вздохнуть. Некоторые люди были такими разочаровывающими и предсказуемыми.

Зеленая тварь взревела:

– Они мои!

И тут я уже не сдержалась. Я улыбнулась снова.

– Мне неприятно это говорить тебе, но ты удивись, если сделаешь анализ на ДНК. Ни один из них не похож на тебя.

Мэтти за моей спиной прыснул от смеха, отчего я улыбнулась еще шире – он влиял на меня наихудшим образом, отчего нам нельзя было стоять рядом на праздничном обеде у родителей Сиенны, даже невзирая на то, что выражение на лице болотного чудища стало по-настоящему взбешенным.

– Я сожру твои органы и высосу мозг из твоих костей, человеческое отребье!

Ой. Было почти страшно и обидно. *Почти.*

А ведь это не я громко грозила съесть детей и обзывала людей идиотами.

Чудище еще не договорило.

– Когда я покончу с тобой, я использую косточки этих детенышей, чтобы выковырять твоё мясо из своих зубов!

Мэтти расхохотался. Его нельзя было никуда брать с собой.

Но я должна была сосредоточиться.

– Хотела сказать тебе, что мне понравилась твоя творческая изобретательность в первом предложении, а вот второе, я почти уверена, уже слышала где-то. Так ты скажешь, как тебя зовут, прежде чем попытаешься выковырять мою плоть из своих зубов, или?.. – Я пожала плечами.

Зеленое существо замерло и уже тише спросило: «Чего?» – так, словно вдруг пришло в замешательство.

Я была готова поспорить, что над ним не так-то часто насмехались. А может, и наоборот, и поэтому оно настолько озлоблено. Над этим стоило поразмышлять.

– Не обращай внимания, – крикнула я, а потом подняла руку и замахала в свою сторону. – Идемте, дети. Я отведу вас домой и, клянусь, не обижу и не дам никому другому обидеть вас. Обещаю.

Переглянувшись, чуть более крупный волчонок на миг замерцал, и в следующий миг на его месте стоял ребенок. Мальчик. Мальчик в шортах и футболке, и я не в первый раз подумала о том, как невероятно действовало это волшебство. Все было не как в кино, где оборотень оказывался голым, преображаясь из шкуры в кожу, или же разрывал на себе всю одежду, обращаясь в другое существо. Магия не была настолько расточительной. Такое непросто осознать, даже видя все это своими собственными глазами.

Все, что было на человеке, оставалось на месте, а потом исчезало, когда он превращался. Однажды Мэтти взял в руки молоток, чтобы посмотреть, что произойдет, но тот не пережил преобразование и просто упал на землю. Очки, мобильные телефоны, ключи – все исчезало, если только лежало в карманах.

Мне никогда не надоедало наблюдать за тем, как оборотень менял свой облик. И это выглядело еще милее, если он был юным.

– Мы вас не знаем! – крикнул мальчик, и свирепый белый волчонок щелкнул зубами сначала на зеленую тварь, потом на меня.

Кое-кто утратил контроль над ситуацией, и я была уверена, что он до сих пор не подозревал об этом.

Я подняла руку и протянула ее к ним в приветственном жесте, ладонью наружу.

– Справедливо. Я Нина. У моего друга вон там есть кузен, который является членом вашей стаи...

– Генри! – вставил Мэтти, подойдя ближе, судя по голосу. – Как Генрих, только без «х». В честь его прадеда, если я правильно помню.

– Никто никуда не идет, – заявило зеленое чудище, выпрямившись в полный рост, и в его здоровенных плечах и квадратной фигуре снова легко считывалась злость.

Отчасти я осознавала, что мне следовало испугаться. Будь у этого зеленого болотного чудища шанс, он мог бы разорвать меня на куски. Его ногти были настолько длинными, что сошли бы за когти. Без обид, но он выглядел жутко. Не то чтобы он сам выбрал родиться существом с заплесневелой кожей и спутанными волосами, которому ни за что не выиграть в конкурсе красоты. Но... сперва ему пришлось бы прикоснуться ко мне, и он еще не знал, что это не пошло бы ему на пользу.

Я продолжала потихоньку подходить и остановилась, когда оказалась примерно в шести метрах от ребят, достаточно близко, чтобы увидеть, что существо напоминало разлагающуюся зеленую женщину со спутанными волосами, а дети были еще меньше, чем казались издали. И им действительно было мало лет. Слишком мало, чтобы находиться здесь одним. Ни один родитель не позволил бы ребенку их возраста гулять по лесу без присмотра.

По возвращении домой их будут ждать большие неприятности.

Может, кто-то уже разыскивал этих ребят?

Об этом я могла беспокоиться потом. Сейчас же мне нужно было разобраться с большим мифическим созданием, которое не умело управлять своим гневом и любило мясо волшебных детей. Каждому свое, и все такое, но какая же гадина. Раз уж собиралась кого-нибудь съесть, могла бы выбрать того, кто, по крайней мере, сумел бы побороться за свою жизнь.

Я снова пожала плечами.

– Они пойдут со мной, а ты уйдешь прочь, надеюсь, куда-нибудь подальше. И то, если тебе повезет и их стая не выследит тебя раньше. И если ты не выведешь меня из себя в процессе. – Я присела и протянула руки к детям, после чего встретилась взглядом с темными глазами зеленой твари. В них не было радужки или белка, только почти черное глазное яблоко, похожее на зрачок.

Но дети не отреагировали на мой жест.

Тварь рассмеялась и движением настолько быстрым, что я не увидела его, опустила руку и схватила белого волчонка за шкурку. Он закричал, щелкая зубами, и чудище подняло его в воздух.

– Думаешь, я испугаюсь какой-то там... – начала она угрожать.

Надеюсь, сработает.

Я сняла с руки браслет и бросила его на землю. Я не могла донести до противника свою мысль, если бусины хоть как-то касались меня. Ветер к тому моменту почти полностью стих, но тут среди деревьев чудесным образом пронесся поток воздуха, который понес мой запах, более не скрываемый обсидиановыми бусинами, вперед.

Понес *меня* прямо в нос зеленой твари. Мой настоящий запах, не утаивавший ничего.

И самым спокойным голосом, на какой была способна, я предупредила:

– Еще чуть-чуть, и я разозлюсь. Положи волчонка, пока мы не начали играть в догонялки, которые тебе не понравятся.

Довольно очевидно, в какой миг мой запах добрался до нее.

Сработало все именно так, как я и надеялась. Так, как было и раньше, когда я имела дело с созданиями, обладавшими носами, способными учуять магию, то есть почти со всеми. Крайне малому числу существ удалось прожить так долго без биологической системы оповещения, подаренной им эволюцией. По-моему, в основном среди тех, кто не наделен подобным даром, спасавшим жизни, были лишь такие, как я.

Мне встречались люди, которым с самого начала нравился мой запах. Почти всегда это были создания вроде оборотней, но намного чаще я встречала тех, кто сперва вел себя естественно, а многих мой запах отталкивал, и я не винила их. Сейчас же я рассчитывала, что эта

тварь из последних, и надеялась, что этого будет достаточно, чтобы мне не пришлось никого трогать.

Тело болотной твари напряглось. Почти мгновенно ее взгляд изменился, по нему было видно, что ей стало очень, очень некомфортно. Она разинула рот, спрятала зубы, перестав скалиться, и инстинктивно сделала шаг назад. Я готова поспорить, что она даже не заметила, как отступила.

Одни люди пахли конфетами, пирожными и сладостями всевозможными⁷. Иногда отчасти причиной тому была их магия, таким образом они притягивали к себе. Но бывало, что они пахли хорошо просто потому, что они были хорошими людьми. Так мне объясняли мои друзья с чувствительными носами. Можно было унюхать ложь, гнев, ревность и любовь, а также целую кучу прочих эмоций, испытываемых человеком.

Я? Я была хорошей в душе и в поступках. Мне хотелось верить, что все, кто знал меня, считали так же.

При этом я прекрасно осознавала, что для многих существ я пахла совсем не конфетами, пирожными и сладостями всевозможными.

И в тот миг в том лесу – который словно был осыпан сильнодействующей отравой, с самыми впечатляющими деревьями, что я видела в жизни, – зеленая тварь сделала то, чего я как можно чаще старалась избегать с тех пор, как во мне проявилась правда об одном из моих родителей. Болотная тварь учуяла магию, выделявшую меня среди других.

И я не знала, чего ожидать от детей, которые никогда раньше меня не видели, но уж точно не того, что произошло потом.

Белый волчонок повернул голову и укусил болотную тварь за руку так сильно, что та вскрикнула и выронила его. Когда малыш упал, кентавр-козел подхватил его на руки, и вместе с другим мальчиком они бросились прочь. Они *побежали*. Прямо ко мне.

Не от меня.

Ко мне, еще и со всех ног.

Мальчик – который был волчонком покрупнее – побежал дальше, а кентавр-козел с белым малышом на руках остановился прямо за моей спиной. Спрятался. Дрожа. Перепуганный.

Мальчишкам явно не стукнуло и десяти лет. От этого я снова разозлилась.

– Сейчас я уйду, – предупредила я зеленое существо, наклонившись к земле, чтобы поднять браслет и снова надеть его на руку.

Когда я выпрямилась, болотная тварь напряглась. Ее темные глаза казались еще шире, чем минуту назад. Она и дышала быстрее. Я была готова поклясться, что услышала легкий писк, который исходил от нее.

– Уходи сейчас же, – скомандовал Мэтти, стоявший позади, прозвучав так строго, как я, по-моему, еще ни разу не слышала от своего общительного друга.

Создание из народных преданий, с которыми я не была знакома, сделало шаг назад, потом еще один, и после продолжительного взгляда в нашу сторону ушло. Мэтти встал рядом со мной, держа волчонка на руках.

Мой лучший друг ухмыльнулся так же, как делал это всю жизнь, – озорно, приятно и дружелюбно. Только с усами, за которые он позволил мне дернуть во время одной из наших остановок, после того как я обвинила его в том, что он приклеил их к лицу, поскольку они были такими густыми.

– Думаю, чудище там чуть в штаны не наложило. – В его голосе было столько гордости.

Я пожала плечами и чуть улыбнулась, а он улыбнулся еще шире.

⁷ Отсылка к стихотворению «О мальчиках и девочках» в переводе С. Маршака.

– Ты пахнешь как Генри, – выпалил ребенок у него на руках, наклонившись к шее Мэтти и хорошенько обнюхав его.

– Он мой кузен, – объяснил Мэтти, склонив голову набок и позволив мальчику добраться до того места и обнюхать его. Таковы были обычаи их мира.

Должно быть, их запахи были достаточно похожи, раз малыш понял, что они родственники. Перестав обнюхивать Мэтти и найдя подтверждение его истории, мальчик отвел от него свои медово-золотистые глаза и указал пальцем на мое запястье.

– А это что такое?

Я легонько постучала по браслету.

– Это? Ты еще ни разу не видел такого?

– Не-а, – ответил ребенок, округлив глаза и раздувая ноздри. У него были темные волосы и персиково-коричневая кожа, как у меня. – Ты пахнешь так...

Я не собиралась напрягаться, но не смогла удержаться. *Ужасно. Как смерть. Плохо.* Все это были слова, которые я слышала чаще, чем мне хотелось бы, будь у меня выбор... но только рядом с определенными созданиями.

– Вкусно, – козленок с другой стороны вздохнул. *В его голосе что, слышалась мечтательность?*

Я и не заметила, как он подошел ближе.

– Вкусно, – согласился мальчик на руках у Мэтти определенно более приятным голосом, чем я ожидала.

Я удивленно моргнула, а Мэтти посмотрел на меня с выражением «я же говорил».

В словах маленького оборотня был смысл. Я знала, что волки любили меня. А вот кентавр-козленок... это что-то новенькое. Ха.

– Правда? – Мне не понравилось сомнение, с которым это вылетело из моего рта, но было бы ложью сказать, что я не ожидала, что его слова морально раздавят меня.

Козленок наклонился ближе и, не задумываясь, прижался носом к моему бедру.

– Мм-хмм, – прошептал он.

Ну ладно.

– По-моему, ты пахнешь как лунное возлияние⁸, – воскликнул мальчик на руках Мэтти. Мой чертов друг фыркнул от смеха, а мне пришлось на миг сжать губы. Я прищурилась.

– Думаю, ты имеешь в виду лунное сияние? – предложила я.

Мальчик пожал плечами.

Я улыбнулась ему, не обращая внимания на еще более громкое фыркание Мэтти, когда белый волчонок, который до этого момента молчал, решил зарычать.

Я едва сдержалась, чтобы снова не улыбнуться. Он был похож на аниматронную мягкую игрушку. Как если бы самоедская лайка и белый медведь родили детеныша, полностью белого и пушистого, если не считать рычания и щелканья зубами. Вблизи волчонок был не таким маленьким, как я думала.

– Ты был по-настоящему храбрым, волчонок. Ты должен гордиться собой, – произнесла я в надежде, что он поймет, что я на его стороне.

Мои слова ничуть не помогли. Малыш зарычал снова, и козленок вздохнул:

– Прекрати, Агнес.

Волчонка звали *Агнес*? Мне захотелось обнять ее. Чмокнуть. Я могла лишиться костяшки, но, может, оно того стоило.

Агнес не прекратила, но все было в порядке. Мне все равно хотелось обнять ее. Я была готова биться об заклад, что на ощупь она походила на облачко.

⁸ В оригинале игра слов: moonshine – самогон, moonlight – лунный свет.

Мэтти приподнял ребенка на руках, который при обычных обстоятельствах считался бы уже слишком взрослым, чтобы так его носить.

– Готова вернуться назад и отвезти их домой?

Чем скорее мы попадем туда и получим ответ на мой вопрос, тем лучше, так?

– Идем, – согласилась я.

Глава 3

Пока мы шли, малыш-кентавр то и дело поглядывал на меня. Он был таким до милого нескладным, с россыпью веснушек, огромными карими глазами и такими длинными ресницами, что они походили на наращенные. Мне хотелось обнять и его.

– С тобой все хорошо? – спросила я его, когда в пятый раз заметила, как он смотрит.

Рядом с ним по земле бежала Агнес, чокнутый волчонок. Когда Мэтти предложил понести ее, она попыталась укусить его. Теперь она шла сама по себе.

– Можно я возьму тебя за руку? – робко спросил мальчик.

От этого я заскучала по Данкану, а ведь еще и часа не прошло с тех пор, как мы оставили его с Сиенной.

Я протянула руку, и ладонь мальчика скользнула в мою. Она была теплой и потной, отчего он понравился мне еще больше.

– Как тебя зовут?

– Шайло, – ответил кентавр-козленок. – А тебя как?

Я уже говорила ему, но в тот момент ему было о чем поволноваться.

– Эванджелина, но все зовут меня Нина. – Даже мои собственные родители никогда не называли меня полным именем.

Он сжал мои пальцы, а потом указал на милого грозного зверя рядом.

– Это Агнес, а это Паскаль.

Я кивнула и улыбнулась, поглядев на Мэтти, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Он нес на руках того, кого, как я теперь знала, звали Паскалем, и вел нас через лес. Мы решили, что будет быстрее и проще, если обратно мы все поедем на машине. Я только надеялась, что до нашего приезда на ранчо никто из их стаи не отправится искать детей и не подумает, будто мы пытались похитить их. Это было бы просто шикарное знакомство.

Шайло снова сжал мои пальцы, и я сосредоточила свое внимание на нем. Его глаза были такими широко распахнутыми, такими мечтательными, что я не могла понять, что у него на уме. Явно не то, что он сказал потом:

– Ты лесная принцесса?

Мэтти впереди попытался заглушить смех. Я сделала вид, будто ничего не услышала.

– Нет, но спасибо, что спросил.

– Ты похожа на нее, – ответил он тихим, робким голосом.

Я потрясла его руку в своей.

– Спасибо. – Если здесь все выгорит, он явно будет в списке тех, кто получит от меня подарок на Рождество.

Шайло со своим невинным любопытным лицом все смотрел на меня.

– А кто ты? – прошептал он.

Считалось неприличным спрашивать человека, кем он был. Ты либо сам говорил об этом, либо нет. Рассказывать другому о своих предках, если это не очевидно по твоему запаху, – признак доверия. Мне говорили, что все оборотни пахли несколько похоже, и я могла подтвердить, что все они чувствовались определенным образом. Равно как и все огры, тролли и прочие создания. Точно так же, как акцент наводит на мысль, откуда родом тот или иной человек, нечто похожее обстоит и с волшебством.

Однако мне было известно не понаслышке, что многие люди ревностно оберегали эту информацию по личным причинам. Я снова задалась вопросом, сколько из этих созданий порой просто не знали, кем они являлись, – взять меня и Данкана. Так или иначе, спрашивать о корнях человека равносильно тому, как интересоваться его цветом сосков или размером пениса. Так что воспитанные люди о таком редко *спрашивали*.

Но Шайло, державший меня за руку так, будто мы были старыми друзьями, и уставившийся на меня блестящими глазами, выглядел таким бесхитростным...

Да я назвала бы ему свой счет в банке, смотри он на меня так, спрашивая об этом.

– Там... С этим... Ну, знаешь... Ты пахла как... Ты пахла как... – Его плечи то поднимались, то опускались, пока он силился выразить свою мысль. – Как праздничный торт.

Это было что-то новенькое.

Кажется, я даже покраснела.

– Я точно не знаю, – искренне прошептала я в ответ. – Никогда не видела своих настоящих маму и папу.

Разумеется, у меня имелись кое-какие идеи. Одна из догадок была очень и очень правдоподобной, но большинство людей в моей жизни хором согласились, что мне лучше никогда не озвучивать это предположение из-за суеверного страха, связанного с оглашением этого имени вслух. Мужчина и женщина, которых я считала во всех смыслах своими родителями, не имели общей со мной ДНК, но ни для кого это не имело значения. Как и сказал Мэтти: оборотней это не волновало.

Большие карие глаза моргнули, а потом малыш нахмурился:

– Никогда?

Я покачала головой, поблагодарив вселенную за то, что эта тема не была болезненной для меня. В каком-то смысле это трогало меня не больше, чем обсуждение знаменитостей. Или персонажей из прочитанных книг.

– А как ты выглядишь? – Он имел в виду мое другое тело, вроде того, как он мог превращаться из полукозла в человека.

– Я не меняю облик. Не могу, – ответила я, пытаюсь объяснить все как можно проще. – Я всегда выгляжу так.

Во всех остальных смыслах я была обычной, среднестатистической. Волнистые темные волосы, загорелая персиковая кожа, намекавшая на то, от кого я ее унаследовала, и светло-карие глаза, которые были еще одной подсказкой – но довольно плохой. Мои черты лица, как я считала, тоже намекали на то, кем могли быть мои родители, в остальном же все во мне было довольно неоднозначным.

Судя по тому, как малыш моргнул, для него была немыслима сама идея о том, чтобы не иметь другого тела. Как и для большинства. Мифы оставались мифами для одних, а легенды всего лишь легендами для других, вот только в реальности все на самом деле обстояло иначе.

Родители объяснили мне это, когда мне исполнилось шестнадцать лет, и особенность во мне пробудилась и изменила меня. Я не понимала, почему и как могла так сильно отличаться ото всех, кого знала, почему не могла ни в кого обращаться. *Меняться*, как называли это некоторые. Мне же это больше напоминало мерцание.

Родители обняли меня каждый со своей стороны и объяснили, что в этом мире существует *нечто* – магия, положившая начало всем мифическим существам. И не было никаких оснований не верить, что это *нечто* – магия из метеорита – не создало и *всех* остальных существ на свете, о которых тоже сочинялись истории и легенды. Непроста все связано.

«О нас пишут в одних и тех же книгах, но наши истории разные, Нина, – заверила меня мама. – Отчего же только одни могут быть реальными, а другие нет?»

Потом мы подошли к окну и сквозь жалюзи стали наблюдать за соседом на противоположной стороне дороги: высоким и очень старым мужчиной с повязкой на глазу и парой ручных воронов, которых он пытался выдавать за диких, но все обитатели знали правду. Он обычно сидел на своей веранде. Я на каком-то уровне всегда понимала, что он не такой, как все. Большую часть времени он носил браслет, а когда снимал – его магия ошеломляла. Он был добр к Мэтти и ко мне, но я помню, как сильно ему нравился Генри. Тогда-то родители и прошептали мне, кем, по их мнению, некогда был этот старик.

Описывая его, они никогда не использовали слово «бессмертный», говоря вместо этого «долгоживущий». Так говорили в древней-преддревней языческой культуре. Одно из многочисленных древних созданий, существование которого не стерлось из памяти.

Никогда не забуду, что в тот момент, когда они прошептали его имя из четырех букв, старик, предпочитавший, чтобы его звали Отис, обратил свое внимание на наш дом и так улыбнулся, что волосы на моих руках встали дыбом.

Через час после этого мы поехали в магазин и купили головоломку-пазл, который я оставила на его крыльце.

Даже сейчас, тысячи лет спустя после того, как магия впервые появилась в этом мире, некоторые имена, а также волшебство и способности, сопровождавшие их, все еще внушали страх.

Никто не назвал ту головоломку подношением, но никто и не сказал обратного.

Старик произвел на меня впечатление, но этого все равно не хватило, чтобы я приняла то, кем мог быть один из моих биологических родителей, а может, и оба. Ведь когда ты молод, тебе просто хочется вписаться в общество.

А когда взрослеешь, принимаешь то, кем являешься, и всего лишь хочешь, чтобы тебя оставили в покое. Забавно, как все было устроено.

В тот же миг сбитый с толку Шайло моргнул, и его взгляд упал на мой браслет. В нем не было ничего особенного. Он выглядел как обычный браслет с круглой гладкой обсидиановой бусиной, за которой следовали огненный обсидиан и кварц. Так они чередовались по всей

длине браслета. Хотя именно обсидиан выполнял всю работу. Он скрывал то, что я желала сохранить в тайне.

– Но... но чудище испугалось тебя, – в растерянности, запинаясь, пробормотал мальчик.

И он все равно подумал, что я принцесса? Ну, спорить с его замечанием не было смысла, так что я кивнула.

– Но ты ведь меня не испугался, так?

Он поджал губы и отрицательно покачал головой.

– Нет, ты хорошая.

– Спасибо, – я сжала его маленькую ладошку. – Ты тоже хороший.

Кентавр-козленок Шайло, в голове которого все еще крутился вопрос о моей сущности, еще секунду глядел на меня, а потом одной из двух ног – копыт? – пнул маленький прутик.

– Папа говорит, что необязательно быть самым большим, чтобы быть самым страшным.

– Быть большим помогает в этом, но быть маленьким и страшным тоже работает. Взять, например, паука, – я понизила голос. – Мой друг как-то увидел одного и выбежал из туалета, крича, что тот якобы собирался сожрать его. А ведь это всего лишь крошечный паучок.

Мэтти передо мной замедлил шаг и через плечо бросил на меня пристальный взгляд, но ничего не сказал. Все произошло не совсем так, но я тоже умела преувеличивать. Просто не так часто.

Лицо Шайло стало задумчивым.

– Я испугался. Агнес тоже, но она попыталась бороться.

– Не стыдись того, что испугался. Эта тварь была злобной. Ты не убежал и не расплакался. Ты стоял прямо перед ней, не сутулясь. Тебе следует гордиться собой. Готова поспорить, если бы тебе захотелось, ты смог бы затоптать ее. Как минимум сломать пару пальцев на ее ногах, – предположила я.

Мэтти прыснул от смеха.

– Ты так думаешь? – спросил Шайло.

– Определенно.

Может, мне не стоило вкладывать эту идею в его голову.

Малыш шел молча, пока мы не перепрыгнули через упавшее дерево – он грациозно, я не очень – и дождались безумную Агнес, которая с третьего раза перелезла через него после того, как снова попыталась укусить предложившего ей помощь Мэтти. На этот раз Мэтти тихо зарычал на нее и не затихал, пока она не прекратила. Я и забыла, что под этими усами скрывался громадный бурый волк.

Затем, наморщив свой веснушчатый нос, Шайло спросил:

– Но почему эта злая леди испугалась тебя?

Как же объяснить это ребенку, особенно тому, который держал меня за руку, хотя взрослые люди убегали с площадок для автотуристов, стоило мне заехать туда? К тому же Шайло не был хищником.

Полагаю, я тоже им не являлась.

– Я не превращаюсь ни в кого, как вы все, но во мне есть магия, которая ей не понятна. Тебе понравился мой запах, а ей нет, – сказала я ему как можно более будничным тоном, не желая тревожить малыша или давать ему повод задавать новые вопросы, на которые я не знала ответа.

– Но... – начал он, как раз когда мы добрались до видимых признаков дороги впереди. Мэтти качнул головой влево, и я последовала за ним. Ему пришлось помочь нам всем перелезть через ограду, не считая белого волчонка, который вырыл подкоп и на животе прополз под изгородью. Оказавшись на дороге, я заметила свой автофургон ровно на том же месте, где и оставила его.

– Вы отвезете нас домой? – спросил Шайло, снова сжав мою ладонь.

– Ага, – ответила я. – Мы все равно туда направлялись.

– Зачем?

– Потому что я надеюсь, что ваша стая позволит мне и моему щенку жить здесь.

– У тебя есть щенок?

– Ага. Его зовут Данкан, он вон там с моей подругой Сиенной. Она тоже волк.

Сиенна не разозлилась бы на меня за то, что я рассказала ее тайну, ведь секрета особо и не было, поскольку мальчик, вероятнее всего, уловил бы схожесть ее запаха с его друзьями-волчатами.

Глаза Шайло округлились от любопытства, когда Мэтти дошел до того места, где ждали Сиенна и Данкан. Мой друг наклонился и поцеловал жену, попутно почесав макушку моего пончика. Данкан потянулся к мальчику, Паскалю, и я была почти уверена, что они обнюхали друг друга, после чего мой щенок лизнул мальчика. Сиенна рассмеялась и ухмыльнулась, а потом они направились к пикапу, открыли заднюю дверь автомобиля и загрузили в него сначала Данкана, потом и ребенка.

Я еще раз сжала руку своего нового друга, а белый оборотень дошел до пикапа и залаял на моих лучших друзей.

– Не бойся, – сказала я Шайло. – Никто из нас не обидит вас, и я обещаю, что мы просто отвезем вас домой. Вы в безопасности.

Он наградил меня духоподъемной мечтательной улыбкой.

– Я знаю, – заверил он меня, пока воздух наполнял резкий лай. Оборотень-волчонок Агнес стояла на земле, чуть склонив голову набок, и смотрела на пикап, в котором сидел Данкан. Она размахивала хвостом и щелкала зубами на него. Сиенна встала между ними.

– Прекрати, – скомандовала она, явно обращаясь к чокнутой маленькой волчице. Впрочем, не настолько чокнутой: Агнес замолчала и уселась на задние лапы. Тон голоса моей подружки обычно производил тот же эффект и на Данкана, который, кстати, даже не пикнул. Он оставался разборчивым в том, из-за чего был готов вляпаться в неприятности.

Сиенна мило улыбнулась, и мы с Мэтти вместе продемонстрировали ей свое восхищение. Я присвистнула, и она подняла глаза, готовая что-то сказать, но тут мы подошли к пикапу, и ее челюсть отвисла.

– Ты сатир? – с неподдельной радостью воскликнула она, глядя на Шайло.

Сатир. Вот кто он такой.

Шайло прижался к моему бедру.

– Да, – прошептал он, внезапно оробев. А может, это произошло оттого, что она была новым хищником, которого он не знал?

Она взвизгнула.

– Ты такой милый!

Мой новый друг, чье веснушчатое лицо порозовело, посмотрел на меня.

– Ты правда очень милый, – заверила я его. Потом я сосредоточилась на Данкане, который был слишком занят разглядыванием Агнес, отчего даже не заметил моего возвращения.

– Я тоже по тебе соскучилась, Данки-Данк, – выкрикнула я со смехом.

Он перевел свои ярко-красные глаза на меня и через долю секунды замахал пушистым хвостом из стороны в сторону. От неожиданного приветствия в моей груди разлилось тепло, схожее с объятием.

– Да.

Я моргнула, изо всех сил стараясь привыкнуть к этой его новой способности, которая появилась, когда изменился его внешний вид. Он еще не очень часто пользовался ею, но, когда практиковал, было похоже на рождественский подарок. Когда я рассказала об этом Мэтти и Сиенне, после того как мы обсудили ранчо, оба поглядели на меня так, будто я спятила. Я же

не особо удивилась, когда он проделал это в первый раз: у меня было предчувствие, что рано или поздно он научится общаться со мной подобным образом.

У его мамы это хорошо получалось.

Данкан снова сосредоточил свое внимание на Агнес, размахивая хвостом.

– Что это за запах? – ни с того ни с сего спросила Сиенна. Она поморщила нос. – Пахнет канализацией.

– Кажется, мы повстречали Зеленозубую Дженни⁹, – ответил Мэтти.

– Кого? – хором переспросили мы.

– Зеленозубую Дженни, – он почесал нос. – Так их называют в Англии.

– Кто такая Зеленозубка Дженни? – не унималась Сиенна, словно прочтя мои мысли.

– Зеленозубая, малыш. Старая карга, живущая в реке и поедающая... – взгляд Мэтти метнулся к пикапу, где были дети. Его губы и усы превратились в ровную линию.

Вслед за Мэтти я почесала нос.

– Я поражена, что ты столько знаешь про малоизвестный фольклор, Мэтти.

– На первом курсе колледжа мой сосед по комнате приехал из Ланкашира, и у него была книга, которую я читал, когда ходил на толчок.

Это все объясняло.

– Народ, от вас воняет. – Сиенна поморщила нос. – От кого-то больше, от кого-то меньше.

Наверняка не все мы воняли. Вонь наверняка исходила от Агнес, единственной, кого чудище коснулось, но я не доверяла волчонку, который мог укусить меня, если спрошу ее об этом. Она больше не лаяла, а ждала у пикапа, по-прежнему сосредоточив все свое внимание на Данкане.

Явно настороже, но при этом она оставалась такой чертовски миленькой.

Я привлекла внимание Шайло.

– Тебе помочь забраться в пикап?

Он покачал головой, отпустил мою руку и, грациозно запрыгнув, идеально приземлился на заднее сиденье.

– Идем, Агнес, – позвал он подругу. Волчонок сердито зыркнул на нас, троих взрослых, а потом попятился и запрыгнул в машину, еле достав до сиденья. Данкан быстрее замахал хвостом, но не наклонился вперед, чтобы обнюхать или лизнуть Агнес, как он сделал с Паскалем. Шайло он тоже оставил в покое, как я заметила.

Мэтти поднял руку.

– Остаток пути поведу я, хорошо?

– Конечно, – согласилась я. Сейчас мне хотелось лишь обнять своего мальчика. Что было бы, найди его эта гадина, жравшая детей?

Он мог бы поджечь ее, но дело не в этом. Я хотела, чтобы он поджигал только то, что сам *хотел* поджечь, и я ни за что не подумала бы, что такая мысль когда-либо придет мне в голову. Да я и не представляла, что вообще окажусь в подобной ситуации.

– Я сяду с ними сзади, если хочешь поехать впереди на пассажирском, – предложила я Сиенне, и она кивнула.

Мне потребовалась всего секунда на то, чтобы залезть в пикап и закрыть за собой дверцу. Данкан уселся ко мне на колени и лизнул мне щеку.

– Привет, Пончик.

Его «да» было тихим и ласковым. Его способ сказать «привет». Мы оба все еще осваивали этот его дар. Голос Данкана был далеко не таким отчетливым и сильным, как у его матери, и мне было любопытно, каким он станет, когда он повзрослеет.

– Это у него на хвосте огонь? – прошептал Шайло.

⁹ Ведьма-утопленница из английского фольклора, живущая в водоемах и обожающая утаскивать детей на глубину.

Паскаль перегнулся к нам и разинул рот.

– А почему у него глаза красные?

– Потому же, почему у тебя золотистые. Передались по наследству от кого-то из семьи, – ответила я ему.

Мальчик на миг задумался об этом.

– Он пахнет так же, как и ты, но по-другому, – заявил волчонок Паскаль. – Ты не его мама.

Данкан лизнул мою щеку, словно выразив протест против этого заявления. Мы оба правда чувствовали, что я была его мамой, хотя я никогда не произносила этого слова вслух.

– Он вышел не из моего тела, но он мой детеныш, – мягко попыталась я объяснить.

– Он не был у тебя в животе?

– Нет.

– Он был в животе у своего папы? Потому что моя мама говорила, что ей очень жаль, что мой отец не способен вынашивать детей, а папа сказал, что на это способны морские коньки. И что, возможно, могут и другие животные, но не волки, – внезапно продолжил мальчик и выжидающе посмотрел на меня.

Неужели он и правда ожидал, что я отвечу на это?

Мэтти вывез нас обратно на дорогу, и Сиенна полностью развернулась на своем сиденье к нам. Она свела указательный и большой пальцы вместе и провела ими по губам. Чертова трусиха.

– Я... я не думаю, что папа выносил его в своем животе. Я почти уверена, что это сделала его биологическая мама.

– Что такое биологическая?

По пути к машине этот ребенок не сказал Мэтти и слова, а теперь из него посыпался целый миллион вопросов.

Я не обладала необходимыми знаниями, чтобы вести эту беседу. Данкан был единственным ребенком, с которым я провела значительный отрезок времени с тех пор, как стала взрослой, и он не спорил со мной и не задавал вопросов. Он *мог* с легкостью вывести меня из себя, но это другое. Он был ангелочком на четырех лапах, и мне достаточно просто взглянуть на него, увидеть его большие милые глаза, чтобы убедиться в том, что это правда. Он был одним из тех щенков, которые выглядели улыбающимися.

Но, похоже, никто больше не желал отвечать на вопрос мальчика, так что я решила сделать это сама.

– Э... – начала я, поерзав. – Это значит...

С переднего сиденья послышался кашель, которым, судя по звукам, был замаскирован смех.

Похоже, что на поддержку Мэтти или Сиенны в этом вопросе можно было не рассчитывать.

Я откашлялась.

– Когда рождается ребенок, часть он перенимает от мамы, а часть от папы. Например, у тебя могут быть глаза папы, но при этом ты забавный, как мама. Потому что большинство существ не способны рожать детей, не делясь с другими частью своего... тела?

Паскаль нахмурился и посмотрел на меня так, будто я несла какую-то чушь, что, по правде говоря, так и было, но как еще объяснить биологию и клетки тому, кто выглядел лет на семь? Я уж точно не знала. Я не знала бы, как объяснить ему про пестики-тычинки *при помощи* аналогии с пестиками и тычинками. Я не понимала эти понятия, когда мне было тринадцать, и все еще не понимала их сейчас, когда мне было за тридцать.

И уж точно не мне объяснять ему про то, как папина пися входит в мамину писю. Уж лучше выброситься из пикапа.

– Но Данкан – мой детеныш. Я забочусь о нем, он заботится обо мне, и я люблю его, – сказала я им, пока они не успели придрататься к моему объяснению.

– А он тебя любит? – спросил малыш-оборотень, прозвучав одновременно невинно и довольно осуждающе.

Я посмотрела на Данкана, который все еще не спускал с меня глаз, и улыбнулась.

– Любит. – Я не сомневалась в этом ни секунды.

– Моя тетя говорит, что мамы и папы – это хорошо, но другие люди ничуть не хуже, – вмешался мой друг Шайло, мудрый не по годам.

– Твоя тетя – гений. Это не имеет значения, если тебя любят. – Я на миг замолчала и задумалась. – Вы не хотите позвонить родителям?

Я еще никогда не видела, чтобы кто-то так быстро менялся в лице: вот с детьми все в порядке, а в следующий миг все выглядят так, будто их сейчас стошнит.

Агнес тут же решила снова зарычать, и Шайло пришлось поругать ее, а это привело к тому, что все трое стали спорить о чем-то своем. О том, что у них будут неприятности? Что они попались? Мальчики перекрикивали друг друга, отчего было трудно понять, что каждый из них пытался сказать, пока белый волчонок выражал свои собственные мысли глухим рычанием, отчего мне хотелось захихикать, настолько милыми они все были.

Похоже, никто не хотел звонить родителям. Если бы мы не были рядом с ранчо, я настояла бы, но...

Тогда я сосредоточилась на Данкане и поблагодарила вселенную за то, что он почти не разговаривал. Его красные глаза были ясными и внимательными. Я уже несколько раз говорила ему, что мы делали и куда ехали, и мое чутье подсказывало, что он все понял, но я понизила голос и погладила его по спине:

– Ты же помнишь, куда мы едем? Я все время буду рядом с тобой. Ничего не случится. Это место вкусно пахнет, и я думаю, тебе здесь понравится. Если нет, то ничего страшного. Ты только скажи мне, хорошо?

Его «да» было подобно прикосновению к моей душе. Я была готова есть его телепатию с кукурузными чипсами, настолько она мне нравилась.

Я погладила шерсть между его головой и основанием хвоста, потом сделала то же самое, стараясь удерживать свои мысли на нем. Не думай я о том, как на самом деле могла пройти эта встреча – от которой зависело наше будущее, – мое тело могло не реагировать на соответствующее волнение, и выдающиеся носы в пикапе никогда не заметили бы, как я накрутила себя.

Что бы ни произошло, с нами все будет в порядке. Мы с Данканом найдем выход. Мэтти говорил что-то там про Аляску, так?

Пикап стал замедляться, вернув меня в настоящее, и Мэтти резко вывернул руль влево. В окно заднего сиденья были видны лишь огромные деревья и ограда, выше той, через которую мы перелезали. Отличие состояло еще и в том, что теперь перед нами располагались внушительные железные ворота. На них висело множество знаков, гласивших: ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ПОСТОРОННИМ ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН, ПОПРОШАЙНИЧЕСТВО ЗАПРЕЩЕНО, БРАКОНЬЕРСТВО ЗАПРЕЩЕНО, ВЫ БУДЕТЕ НАКАЗАНЫ ПО ВСЕЙ СТРОГОСТИ ЗАКОНА и ВЕДЕТСЯ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЕ.

У них все по-серьезному. Хорошо.

Мы остановились, и окно с водительской стороны опустилось. Слева от него находилось что-то вроде переговорного устройства. Высунувшись из окна, Мэтти нажал на кнопку на панели. Она пискнула.

– Привет?

Ничего.

Он посмотрел на Сиенну, которая пожала плечами, потом высунулся из окна снова и опять заставил устройство пискнуть.

– Привет? Это Мэтти. Я раньше жил здесь...

Ничего.

В зеркале заднего вида отразилось то, как он нахмурился.

Он сделал что нужно, чтобы переговорное устройство пискнуло в третий раз. Его усы над верхней губой вытянулись в ровную полоску.

– Это все еще Мэтти. Мой кузен – Генри Блэкрок. Я нашел троих ваших детей, они со мной... О, теперь ворота открываются, – пробормотал он голосом, в котором сквозило раздражение.

Данкан на моих коленях нагнулся вбок, чтобы выглянуть в окно. Я уже разговаривала с ним о том, что он должен быть осторожен рядом с ними. Мне не хотелось пугать его или вести себя строго, но это было необходимое зло. Я слегка опустила окно. Его блестящий нос задвигался, вбирая в себя воздух, который отчего-то ощущался еще более волшебным, чем прежде. Маленькое сердечко Данкана под моей рукой забило быстрее, так что я погладила пса по груди. Он чувствовал то же самое, что и я, когда вышла из пикапа? Казалось, никто больше не реагировал на это, но...

Ворота медленно открылись, и Мэтти поехал вперед, позволяя мне внимательно осмотреть черное железо. Часть меня ожидала увидеть очертания волка на них или что-нибудь не менее запоминающееся, но единственным украшением на железе была половина луны на каждой из створок, которые складывались в целую, когда ворота закрывались. *Полная луна.*

Нос Данкана все двигался, двигался, двигался.

Я посмотрела на детей и обнаружила, что Шайло нервничал, заламывая свои маленькие ручки.

– Ты в порядке? – спросила я.

Огромные карие глаза моргнули самым неубедительным образом.

– Что вы вообще задумали, удрав из дома? – поинтересовался Мэтти с переднего сиденья.

Наивные глаза чуть не вылезли из орбит, когда мальчик издал самый нервный смех, какой я когда-либо слышала.

– Мы не удирали из дома! Мы пошли искать...

– Тсс! – зашипел мальчик-оборотень и приложил указательный палец к губам.

Шайло сжал зубы, а потом почти угрюмо добавил:

– Кое-что.

Это прозвучало *очень* убедительно.

Сиенна как можно сильнее развернулась на своем сиденье.

– Вы все родились на ранчо?

– Нет, – ответил мальчик-оборотень в тот же момент, когда Шайло сказал:

– Я да, Агнес нет. Ее мама...

Белый волчонок на полу залаял.

Сатир замолчал.

Я быстро начала понимать, что он, может, и был милым, но секреты хранить не умел, даже если бы от этого зависела его жизнь. Кажется, я уже любила его.

Тут Паскаль наклонился вперед, и, будь он крупнее и не пристегнут ремнем безопасности, его голова высунулась бы между сидений.

– Ты правда кузен Генри?

Лицо Мэтти в зеркале заднего вида просияло.

– Он мой старший двоюродный брат... – Он помолчал. – Я его единственный кузен.

Я не была уверена, что Мэтти вообще знал детали их родства, но не собиралась упоминать об этом. Раз его это никогда не волновало, то почему это должно волновать меня? Я почти ничего не знала о его семье по линии отца, и в этом нет ничего плохого. Будь у него желание рассказать, он бы уже сделал это.

– Тот, который мочился в постель?

У меня отвисла челюсть, и я тоже наклонилась вперед, просунув голову над головой Паскаля, чтобы взглянуть на профиль Мэтти. Он сосредоточился на дороге и больше не улыбался.

– *Что?*

– Генри говорил, что ты раньше мочился в постель, потому что тебе было страшно, – пояснил мальчик.

– Тебе же было четырнадцать, когда ты переехал сюда... – Я не смогла даже закончить предложение. Я начала хохотать.

– Нет! – Мэтти покачал головой. – Я никогда...

– Он говорил, что ты постоянно мочился.

Сиенна вслепую потянулась назад и схватила меня за руку, после чего мы обе захохотали.

– Нет. Зачем он?..

– Постоянно, – настаивал маленький оборотень на тот случай, если мы его не расслышали. – Много мочился.

Сиенна и я были слишком заняты попытками дышать, чтобы отпустить хоть один комментарий.

Зачем ему выдумывать такое про Мэтти?

Я не могла перестать смеяться. *Генри говорил такое?* Подросток, которого я помнила, ни за что – *ни за что* – не сказал бы такое. Никогда. От этого мне стало еще смешнее.

– Я не мочусь в постель, и вам обеим это известно, – возразил он слишком вызывающе. Мы все еще хватали ртами воздух, когда пикап снова замедлил ход, и Мэтти присвистнул, не обращая внимания на наше веселье. – А тут все изменилось.

Вытерев слезы и сохранив это воспоминание на потом, я выпрямилась и выглянула в лобовое окно. Почти сразу весь смех испарился из моего тела.

Ранчо, точнее та его часть, которую я видела, было совсем не таким, как я ожидала.

Никакого уютного фермерского домика на заброшенном пыльном клочке земли. Никаких стойл с лошадьми или загона для объездки, окруженного ковбоями. В отличие от большинства ранчо, мимо которых я проезжала, в поле зрения не было ни одной коровы или быка.

Перед нами располагалась гигантская автостоянка из гравия, место которой, если судить по размеру, должно было находиться перед спортивным стадионом. На противоположной стороне от нее стояло здание, такое большое, что напоминало старый суд или особняк... или, по сути, гигантский коттедж миллиардера, который приезжал сюда раз в год. Стены были сделаны из самых впечатляющих бревен, какие я когда-либо видела.

Между автостоянкой и зданием в ряд были припаркованы вездеходы. По сторонам и позади от него лес немного приоткрывался, и вдали виднелись маленькие домики. Большинство из них тоже походило на коттеджи, но тут имелись и дома в более традиционном стиле нейтральных приглушенных цветов. От огромного здания к жилищам расходились многочисленные дорожки.

Судя по обстановке и небольшому числу автомобилей на стоянке перед главным зданием, чтобы пройти дальше, мы должны были оставить машину.

– Раньше здесь этого не было, – заметил Мэтти, словно прочтя мои мысли. – Автостоянка была, а вот здание нет.

Я открыла рот, чтобы спросить про парковку, когда толчок в подбородок заставил меня посмотреть вниз и увидеть, как зрачки Данкана слегка расширились.

– Все будет хорошо, – пообещала я, погладив его мягкие висячие уши. Он не *выглядел* очень уж встревоженным или даже чуть-чуть встревоженным. Дело было во мне? Это от меня исходило волнение? – Я в порядке.

– *Да*, – ответил он.

Значит, дело в моих нервах.

– Я просто немного волнуюсь. Никому не говори, – я подмигнула ему.

– Да, – успокоил он меня. Он опять прижал свой нос к моему подбородку, и я снова обняла его, благодаря вселенную за то, что у меня есть кто-то, кто любит обниматься не меньше меня.

Он стоил всего этого: всех нервов, всех болей в животе, всей этой неопределенности. Я не могла придумать ни одной вещи, на которую не сумела бы пойти ради этих длинных ушей и его большого преданного сердца.

Мы должны были сделать так, чтобы план сработал и мы остались в этом месте.

– Можете тоже вылезать. У них будет сто миллионов вопросов, – предупредил Мэтти и открыл дверь.

Шайло, сатир, на миг помедлил, а потом открыл ближайшую к нему дверь, встал на копыта и выпрыгнул наружу. За ним последовал белый волчонок, и последним вышел малыш-оборотень. Я легонько постучала по носу Данкана, чтобы в последний раз привлечь его внимание.

– Веди себя хорошо. Я не хочу засовывать тебя в воздушную тюрьму, – предупредила я его. Он помахал своим пушистым хвостом. Хотя мы оба знали, что в прошлом он уже натворил достаточно такого, за что ему светило подобное наказание.

И все же мне не хотелось, чтобы он думал, будто от него зависело, останемся мы тут или нет. И я определенно не желала, чтобы он чувствовал какое-либо давление на тот случай, если ему здесь *не* понравится и нам придется придумывать план Б.

Ему не нужно нести на себе это бремя. Ему не нужно знать, что плана Б не существовало.

Я погладила его по голове, а потом развернулась, вылезла из машины с ним на руках и поставила Данкана на гравий. Он не убежал бы – я была в этом уверена, – но уверенность строилась на опыте. Я должна доверять ему. Здесь он будет в безопасности.

По крайней мере, так сказал Мэтти, и я ему верила, несмотря на встречу с Зеленозубой Дженни. Это я оправдала тем, что она была как минимум в паре километров отсюда и ушла в противоположную сторону. И все же мне, пожалуй, следовало взять поясную сумку, которую я оставила на переднем сиденье. Данкану редко требовался поводок, и мне хотелось верить, что он не понадобится бы ему и сейчас, но... на всякий случай.

Размышляя об этом, я вылезла с заднего сиденья, прошла несколько шагов и встала рядом с Шайло, который обошел пикап и разговаривал с Агнес рядом с ним. Паскаль говорил что-то Мэтти и Сиенне по другую сторону автомобиля. Я окинула взглядом окружающее место, слишком сосредоточившись на запахе леса и магии в воздухе, чтобы в действительности слышать глухой непрекращающийся звук вдалеке. Этот звук, который я узнала бы, обрати на него внимание, издавало тяжелое тело, которое быстро бежало по опавшим листьям.

Краем глаза я заметила, как Данкан наострил уши и развернулся к деревьям. Почти в тот же миг Шайло сделал то же самое.

К несчастью, я не придавала значения их реакции и винила зачарованный лес вокруг в том, что не почуяла этот таран в облике волшебного создания, мчавшегося словно ветер.

Должно быть, по всем этим причинам я оказалась полностью застигнута врасплох, когда боковым зрением заметила громадную черную тушу.

До меня не доходило, что она бежала прямо на нас, пока чуть не стало слишком поздно, и я застыла перед двумя детьми.

Не прошло и *двадцати секунд*, как я вышла из пикапа, когда животное размером с коня породы клейдесдаль в полете, как я сказала бы, прыгнуло на меня.

Мэтти закричал. Один из мальчиков тоже. Данкан заскулил.

Все произошло так быстро, и у меня не было времени сделать что-либо, кроме как убедиться, что он не задел ни Данкана, ни Шайло, после чего его гигантские лапы ударили меня

в плечи и повалили на землю. Он походил на телохранителя поп-звезды, убравшего с дороги фаната, бежавшего к сцене.

Единственным плюсом стало то, что я не успела напрячься, отчего могла удариться о гравий, как арбуз с десятого этажа, что было бы еще хуже.

Но вот что случилось.

Огромный черный комок шерсти попытался превратить меня в блинчик. Потрясенно лоя ртом воздух, едва сумев не разбить голову о землю, я услышала сквозь хор других звуков, как Шайло закричал: «Нет!» Но из моего горла вырывался только хрип, а мозг силился разобрать, что только что произошло. В этот момент, несмотря на слезившиеся глаза, я, наконец, осмотрела тушу, нависшую надо мной.

И я не преувеличиваю.

По обеим сторонам от моей головы располагались две огромные лапы, а в сантиметре от моего носа – морда, место которой было в журналах по географии...

И этот самый большой волк во вселенной, которому чудом удалось пережить ледниковый период – или в каком там периоде существовали волки размером с самых больших лошадей, – рычал на меня, так низко, *так сердито*, что мне следовало испугаться до полусмерти.

Но я не испугалась.

На меня глядел самый пристальный взгляд янтарных глаз, который я когда-либо видела. Я охнула:

– Черт поberi, Генри, ты чем питаешься? Маленькими детьми? Младшими божествами?

Рычавший оборотень так внезапно затих, как будто кто-то выдернул шнур из розетки. Почти сразу же он сел на задние лапы прямо у моих ног. Даже его почти наводившая ужас пасть закрылась.

Почти в тот же миг, когда весь его настрой изменился, волк повернул голову и посмотрел через свое мохнатое плечо. *Тогда-то* я и услышала его. Тоненькое рычание, которое слышала бесчисленное число раз, особенно когда он находился в полуметре от косточки с сырым мясом.

Я, согнувшись, выглянула и ахнула, увидев девятикилограммового черного щенка, болтавшегося в воздухе. Он сжимал зубами волчий хвост, единственный видневшийся красный глаз был широко распахнут, а пламя на конце его собственного хвостика было самого светлого оттенка голубого, какой я видела. Мой милый маленький Данкан, мой Пончик, моя радость, мой мальчик зарычал еще громче, и, клянусь, я увидела, как его челюсти еще сильнее сжались вокруг кости и меха в пасти.

Он атаковал кайдзю среди волков.

Чтобы защитить меня.

И хотя мое сердце трепетало от страха, а мозг призывал сделать что-нибудь, громадный оборотень просто сидел и смотрел. На Данкана. Без агрессии. Не собираясь съесть его. Так, что мне показалось, будто *он* не понимал, что вообще происходит.

– Генри! Ты что *творишь*? – вскричал Мэтти. Я была почти уверена, что сквозь хрипы слышала, как он подбежал.

Лапы по обеим сторонам от моих ног на долю секунды замерцали, и нависавшее надо мной тело сменилось парой рабочих ботинок.

Большими человеческими ногами.

А над ботинками пятидесятого размера, которые, готова поклясться, были по-настоящему прочными, поднимались длинные крепкие ноги, туловище, способное затмить солнце, и лицо, которое... которое...

Этот мужчина теперь смотрел на меня так же пристально, что и прежде, и он был... он...

Он держал моего малыша за шкуру!

Сказать по правде, я не представляла, что на меня нашло. Инстинкт? Может, я ударила головой и не вполне ясно соображала?

Я понятия не имела.

Я знала только, что издала нечеловеческий вопль, перекатилась на бок, ухватила за голень и укусила ее.

– Какого черта? – услышала я бормотание Мэтти, когда впила зубами в джинсы и мышцы. Причем сильно.

Мама-медведица гордилась бы мной.

– Какого... – прорычал надо мной хриплый мужской голос, и тут же его перебил намного более молодой голосок.

– Она спасла нас! Это ее малыш! – Я была почти уверена, что вопил Шайло, голос разума среди безумия, поскольку, стоило мне услышать его, как я перестала кусать голень перед собой, словно то была индюшачья ножка на фестивале Возрождения. Крупный мужчина надо мной сдвинул пальцы так, что его руки оказались не на загривке Данкана, а под его передними лапами.

И Данкан – благослови его бог – рычал прямо в лицо оборотня, который всего несколько секунд назад был готов содрать с меня лицо. И как будто рычания было недостаточно, он принялся размахивать головой и телом из стороны в сторону, словно бешеный барсук, пытаюсь вырваться. Пытаясь... помочь мне?..

О, Данки. Если бы этот мужчина не выглядел так, словно для поддержания формы питался исключительно отборными волшебными потрохами, я, пожалуй, даже всплакнула бы от гордости. От того, что отныне этого проявления любви и храбрости будет достаточно, чтобы поддержать меня в любой плохой момент, который когда-либо наступит в моей жизни. По сравнению с волком он был таким маленьким, но это не остановило его рискнуть своей жизнью.

Ради меня.

– Что это? – медленно поинтересовался мужчина, явно имея в виду Данкана, а потом наклонил голову и наставил этот знакомый взгляд на меня. Он моргнул. – Кто это? – прорычал он голосом, в котором слышалось сочетание растерянности, раздражения и застигнутости врасплох. Но больше раздражения, я была готова поспорить. – И что здесь делаешь ты, Мэтти?

Кое-кто снова потерял дар речи. Такое могло случиться, если увидеть, как твою самую старую подругу чуть не растерзал твой родственник.

А может, он подумал, что я...

– Давно не виделись.

На это потребовалась секунда.

Последовало короткое молчание, а потом Мэтти кашлянул, после чего его голос уже зазвучал *почти* нормально. Один из нас напугал его до полусмерти, а может, и оба. Я видела это по нему.

– Можешь, пожалуйста, отойти от Нины, пока она не укусила тебя снова?

Вырвавшийся у него смех прозвучал почти так же, как смех Шайло, когда мы спросили его, чем они занимались в лесу, – так же высоко и неуверенно.

Снова молчание, за которым последовало сдавленное хихиканье, отчего я перегнулась через ногу, все еще стоявшую рядом со мной, и обнаружила Мэтти, который был в метре от нас с одновременно взвинченным и веселым видом.

Но в основном шокированный и старавшийся не показать виду. Я щелкнула на него зубами и тоже улыбнулась, надеясь, что от этого он почувствует себя лучше. Бедный Мэтти.

Судя по тому, как ямочки на его щеках внезапно надулись, я не удивилась, когда он вдруг фыркнул от смеха.

– Ты укусила его? Правда? – Качая головой, он ухмылялся как дурак.

Сидя на земле, я пожала плечами и посмотрела на Данкана, все еще висевшего на руках, которые стали крупнее с того раза, когда я видела их в последний раз.

Генри в моей памяти всегда был огромным – в шестнадцать лет его принимали за взрослого мужчину, – однако за последние почти двадцать лет ему каким-то образом удалось вырасти еще больше.

Судя по тем немногим моим воспоминаниям о нем в его волшебном облике на четырех лапах, он уже тогда был впечатляющим. А сейчас?

Я снова бросила взгляд на него, чтобы убедиться в том, что мне не показалось.

Не показалось.

Генри не двигался, не дышал, не делал ничего, только пристально смотрел на меня.

Он делал это так долго, что я почти застеснялась.

Наконец его ноздри раздулись, не сильно, но достаточно, чтобы я заметила. Разумеется, он обнюхивал меня. Я пахла иначе, чем в нашу последнюю встречу, а это было давным-давно.

Но это не меняло того факта, что он мог забыть меня, даже несмотря на то, что остановился, когда я назвала его по имени. Я не забыла его. Он все еще был кузенком моего лучшего друга.

Сейчас он был его взрослой версией. Огромной версией. Даже более внушительной, чем рисовала моя память.

И это что, пятно крови у него на лице?

– Привет, – сказала я мужчине надо мной. Затем, не успев одуматься, я обняла Генри за голень. Прижалась к ней своей щекой и все такое. Отчасти я немного сожалела о том, что укусила его.

Но не сильно. Ему не следовало так хватать Данкана, и тем не менее я не собиралась приветствовать его таким образом после столь долгой разлуки. В лучшем случае я рассчитывала на легкое объятие или похлопывание по спине, может, как минимум кивок, но никак не быть сбитой с ног и облаянной.

Или увидеть, как моего ненаглядного малыша держат в воздухе, словно желая принести его в жертву.

Вот тут Генри облажался, но это была не его вина. Оборотни защищали свою территорию. Отчасти поэтому мы и приехали сюда. Я хотела быть с тем, кто попытается содрать лицо с незнакомца, чтобы защитить моего мальчика.

А если этим человеком окажется мужчина-защитник с острыми зубами, что мне делать? Жаловаться? Сказать «нет, спасибо»?

На секунду сжав его голень, я отползла назад, села, подтянула к себе ноги и встала. Только тогда, больше не паникуя, я наконец ощутила всю мощь его магии. У меня чуть не помутилось сознание. Он был не самым сильным волшебным созданием из всех, кого я встречала, – ими являлись наш сосед и мама Данкана, – но елки-палки. Он был близок к их уровню.

Откуда, скажите на милость, он обзавелся такой силой? Я тогда пошутила, но... он что, сожрал каких-то древних богов? Может, грыз волшебные деревья, окружавшие нас?

Старик, живший напротив нас, почти всегда маскировал свою магию при помощи браслета наподобие моего – ходили слухи, будто он носил аж два или три таких. По этой же причине я если и встречала кого-то из других древних, то не могла распознать их.

Генри же не пытался ничего скрывать.

Это поразило меня. Мое тело было суперчувствительно к магии, жившей в лесу, и волшебству, исходившему от каждого человека рядом со мной, сигнализируя мне о том, что передо мной не простые существа, но если дети ощущались свечами, а Мэтти и Сиенна ровно горевшими огнями, то Генри – костром до небес. Погребальным костром. Да, самым высокогоревшим пламенем, которое могло прийти мне в голову, не считая бомбы, способной уничтожить весь город.

Я не упустила из виду и то, как Генри не сводил с меня глаз, следил за тем, как я смотрела на него, а его ноздри на сильно загорелом лице снова слегка раздувались. Волосы Генри

были насыщенного черного цвета, точно того же оттенка, как его шерсть, насколько я успела заметить, когда он стоял надо мной. Он был *высоким*, с широкими плечами и широкой грудью. По сравнению с ними его бедра казались узкими, но не худыми. Он был образцом крупного мужчины. А его лицо...

Да-а-а, неудивительно, что я влюбилась в него, когда была ребенком.

И на нем явно виднелась кровь. А еще уголок его нижней губы чуть припух. Возле него я заметила крошечную ранку.

Хмм.

Даже с разбитой губой черты лица Генри были поразительными и мужественными. Он не был симпатичным мальчиком, как Мэтти, которого я любила дразнить этим. В Генри Блэкроке выделялись скулы и большая рельефная челюсть. Во многом он все еще выглядел как тот юный мужчина, которого я помнила, не считая того, что он стал старше и в два-три раза крупнее. Он даже стал еще более красивым, чем подсказывала мне память, это точно. У меня оставались детские фотографии, и одна-две с дня рождения Мэтти, где его старший кузен дулся на заднем плане за гигантским стейком с воткнутой в него свечкой – в школу его мама всегда приносила только торт или капкейки, чтобы помочь ему влиться в коллектив, и он всегда с трудом заставлял себя съесть кусочек, после чего отдавал остальное на расправу мне.

Генри, хоть и не был постоянной частью моей жизни, как Мэтти, все равно сумел по-своему произвести на меня впечатление – в основном на мои гормоны и мечты.

В этот момент его ноздри раздулись еще раз, и я поняла, что он все еще пытался унюхать меня, только ему это не удавалось. Он мог ощутить запах моей кожи и моих волос, но не той части меня, которая делала меня тоже волшебной. Только по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.